
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2019/3

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2019

Редакционный совет:

Доц. д-р Антония Пенчева, проф. д-р Татьяна Алексиева, проф. д-р Елена Стоянова, проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф. д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доц. д-р Илиана Владова – главный редактор: docvladova@mail.bg
проф. д-р Валентина Аврамова – зам. гл. редактора
доц. д-р Радослава Илчева – зам. гл. редактора
доц. д-р Илка Бирова
доц. д-р Татьяна Федь
доц. д-р Ирина Георгиева
д-р Владимир Манчев – отв. секретарь
Гергана Георгиева – технический секретарь

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доц. д-р Цветана Ралева – СУ им. Св. Климента Охридского
доц. д-р Силвия Петкова – СУ им. Св. Климента Охридского
доц. д-р Красимира Петрова – СУ им. Св. Климента Охридского
доц. д-р Аглая Маркова – СУ им. Св. Климента Охридского
доц. д-р Лиляна Кирова – ВТУ им. Св. Св. Кирилла и Мефодия
доц. д-р Нина Димитрова – Высшее транспортное у-ще им. Т. Каблешкова
доц. д-р Майя Кузова – ПУ им. Паисия Хилендарского
доц. д-р Дорка Иванова – Югозападный ун-т им. Неофита Рильского

**Журнал „Болгарская русистика” включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ по адресу: <http://www.eLibrary.ru>
ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313 (online)**

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА	
<i>В. П. Иванова</i>	
ПОНЯТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ИННОВАТА	5
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
<i>А. Н. Безруков</i>	
ТЕКСТЫ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО КАК ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НА СОВРЕМЕННУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.....	12
<i>Р. В. Илчева</i>	
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ: БОЛГАРСКИЕ СТРАНИЦЫ.....	21
<i>Б. А. Благоев</i>	
ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ РИФМ ПАВЛА МАТЕВА – МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ.....	39
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Н. В. Сыромля</i>	
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЙ СИМВОЛА «ОГОНЬ» В ПОЭЗИИ А. БЛОКА.....	51
<i>А. Ж. Умрузакова, С. С. Дутбаева</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЗНАКОВЫХ ЕДИНИЦ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ.....	63
ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА	
<i>С. А. Петкова</i>	
О СТРАТЕГИЯХ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ЭКСПРЕССИВНЫХ ОБРАЩЕНИЙ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК.....	71
<i>В. С. Манчев</i>	
О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПЕРЕВОДА.....	84
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	
<i>И. Бирова</i>	
ИГРА КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕЕ МЕСТО В ОБУЧЕНИИ ИРКИ ВЗРОСЛЫХ.....	92

ХРОНИКА

Ц. Х. Ралева

РАЗГОВОР О БОЛГАРО-РОССИЙСКОМ НАУЧНОМ
СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ОБЛАСТИ ФИЛОЛОГИИ.....101

В. Аврамова

III-Я МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫК,
ПРАВО И ОБЩЕСТВО В КОРДИНАТАХ МАССМЕДИА».....104

ЮБИЛЕИ

И.М.Владова

ДОЦ. ТОДОРУ МИНЧЕВУ 95 ЛЕТ.....109

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ113

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА115

ЛИНГВИСТИКА

Иванова Ваня Панева
доктор филологии, ассистент
Великотырновский университет им.
Святых Кирилла и Мефодия
Болгария, г. Велико-Тырново
e-mail: vania.ivanova1@gmail.com

Ivanova Vanya Paneva
Ph.D., lecturer
St. Cyril and St. Methodius University
of Veliko Tarnovo
Bulgaria, Veliko Tarnovo
e-mail: vania.ivanova1@gmail.com

В. П. Иванова

ПОНЯТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ИННОВАТА

Аннотация. В статье анализируются результаты неологических процессов в русском языке в период конца XX – начала XXI вв. и их терминологические обозначения. Названия новых языковых явлений рассматриваются с позиции их внутренних форм, новые лексические единицы классифицируются в соответствии с новационными процессами, которые их порождают. Вводится понятие «семантический инноват» и аргументируется его употребление.

Ключевые слова: неологизация, инновация, неологизм, семантический инноват

V.P. Ivanova

THE TERM SEMANTIC INNOVATION

Annotation. The article analyzes the results of the neological processes in the Russian language at the end of XX – beginning of XXI centuries and their terminological notations. The names of the new linguistic occurrences are viewed from the standpoint of their internal forms, and the new lexical units are classified according to the innovative processes that generate them. The term "semantic innovation" is introduced and its use is reasoned.

Keywords: neologization, innovation, neologism, semantic innovation

В период конца XX – начала XXI вв. отличительной чертой языковой ситуации являлась необычайная быстрота изменений на всех уровнях структуры языка. Как известно, словарный состав любого языка, в отличие от других уровней языковой системы, характеризуется наибольшей подвижностью и проницаемостью. Отличие лексического фонда языка от фонетического строя, морфологии и синтаксиса в первую очередь состоит в его

непосредственной обращенности к действительности. Поэтому именно в лексике прежде всего отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества. [3, с.75].

Эволюция лексических пластов языков тесно связана с историей и культурой народа. Каждое новое поколение вносит нечто новое не только в общественное устройство, в философское и эстетическое осмысление действительности, но и в способы выражения этого осмысления средствами языка. «И прежде всего такими средствами оказываются новые слова, новые значения слов, новые оценки того значения, которое заключено в известных словах» [3, с.75].

Существование различных трактовок единиц неологии на уровне лексики обуславливает также различные направления изучения этого явления: структурно-семантического, социо- и психолингвистического, денотативного и иных [10, с.20]. Несмотря однако на многочисленные публикации, посвященные сущности и типологии единиц и явлений, результатов действия новационных языковых процессов, на данном этапе отсутствуют общепринятые терминологические обозначения их разновидностей [10, с.6]. В современной лингвистике при описании новых лексических единиц используется несколько близких по содержанию терминов: «неологизмы», «инновации», «новообразования». Между этими понятиями в лингвистике не проводится четкая граница. Новые лексические, фразеологические и семантические единицы обозначаются термином «неологизм», новые словообразовательные единицы – термином «новообразование». В то же самое время все новые явления на всех уровнях языка называются «инновациями» и «новообразованиями» [10, с.8].

Наиболее распространенным среди обозначений новых языковых явлений оказывается термин «неологизм», который, как было отмечено, употребляется и для названия новых слов и фразеологизмов, и для обозначения новых значений. В лингвистической литературе указанный термин до сих пор не имеет однозначного определения и в работах русских лингвистов встречаются различные его трактовки. Например, Б.Н. Головин считает неологизмами «слова, возникшие на памяти применяющего их

поколения» [5, с.90], А.А. Брагина определяет неологизмы как «новые имена новых реалий» [4, с.3]. Согласно другим теориям в качестве основных характеристик неологизма указываются «объективное ощущение новизны» [9, с.100] и «необычность, малоизвестность в употреблении, свежесть на фоне широко употребляемых языковых форм» [11, с.25]. Рассматривая новые лексические единицы и явления в свете нескольких лингвистических теорий, кроме новообразованных или заимствованных из других языков слов, Н.З. Котелова причисляет к неологизмам также «слова ранее известные, но мало употребляющиеся, или слова, ушедшие из языка, а в настоящее время вернувшиеся и ставшие широко употребительными» [8, с.73].

В болгарской неологии тоже наблюдается «терминологическая неустановленность» [1, с.367] по отношению к новым языковым элементам. Рассматривая термин «неологизм» в его взаимоотношениях с близкими понятиями – окказионализмами инновациями, – Д. Благоева утверждает, что согласно распространенному пониманию, «неологизмы» – это единицы языка, имеющие узуальный характер (представляющие собой традиционное средство номинации соответствующего денотата), а термин «инновация» имеет более широкий охват и отражает любой тип новшеств, относящихся к разным языковым уровням [1, с.368–369].

Исходя из последних двух более широких трактовок понятия, а также учитывая, что «свежесть», «малоизвестность» и «ощущение новизны» достаточно относительные и субъективные категории, зависящие в большой степени от общекультурной и лингвистической компетенции каждого человека, нам представилось целесообразным рассмотреть обозначения новых языковых явлений с позиции их внутренних форм и классифицировать новые лексические единицы в соответствии с новационными процессами, которые их порождают [7].

Синонимичность терминов «неологизм», «инновация» и «новообразование» имеет свои основания – все они имеют общую сему ‘новизна’. Однако между ними существуют определенные различия как в значениях, так и в их внутренних формах, игнорирование которых не позволяет увидеть определенные специфические черты новых единиц и явлений: *неологизм* (neo + logos ‘слово’) ‘новое слово, языковое новшество (оборот речи,

грамматическая особенность), появляющиеся в языке' [2]; *новообразование* 'новое слово, появляющееся в языке в результате словообразовательного процесса'; *инновация* (лат. *innovatio* 'возобновление, перемена') – это 'явление либо закономерность, отличающее данное состояние языка от предыдущего; новоизменение' [2]. Содержание, которое вкладывается в указанные выше термины, подсказывает, что «новационный процесс характеризуется, по меньшей мере, двумя основными разновидностями: первая связана с *появлением* новой лексической единицы, а вторая – с *новоизменением* существующей лексической единицы» [6, с.26]. Поэтому новационный процесс необходимо рассматривать как «более обобщенное понятие, а именно, как явление, обуславливающее возникновение и проявление некоего ранее не существовавшего феномена (единицы, признака, формы, функции и т.п.) в лексической системе языка. К этим феноменам относятся, во-первых, *новые лексические единицы (слова, номинативные словосочетания, фразеологизмы)*; во-вторых, *новые значения, новые смыслы, новые материальные оболочки* существующих лексических единиц; в-третьих, *новые признаки с точки зрения сферы использования, распространения или реализации в речи существующих лексических единиц*» [7, с.24].

Перечисленные новации являются результатом действия двух основных разновидностей новационного процесса – неологизации и инновации.

Процесс неологизации связан с первичной номинацией, т.е. с присвоением имени реалии, не имеющей языкового обозначения [7, с.27]. Он имеет непосредственное отношение только к лексико-семантическому уровню языка и приводит к появлению лексических неологизмов – ранее не существующих лексических единиц, которые характеризуются новым планом выражения и новым значением, напр. *Чизбургер* 'бутерброд с сыром'; *секьюрити* 'служба безопасности; сотрудник службы безопасности'.

Процесс инновации связан как с лексико-семантическим уровнем языка, так и с функционированием лексико-семантических единиц и порождает лексические инновации разного типа [7, с.25]. Он проявляется в двух основных разновидностях – модификации и

миграции. Модификация изменяет содержательную или внешнюю сторону лексических единиц. Миграция имеет своим результатом перемещение лексических единиц из одного пласта функционирования в другой и их адаптацию в этом новом пласте [7, с.31].

Одна из разновидностей процесса инновации – это модификация семантического статуса лексической единицы (при сохранении плана ее выражения) путем изменения структуры и значения слова [7, с.32]. Модификация семантической структуры лексической единицы – это процесс, в результате которого наблюдается образование производных значений в семантической структуре уже существующего слова, которые приобретают нормативный характер и становятся фактом лексической системы. В русской неологии новые значения, возникающие в результате указанных изменений, обычно называются «неосемемами». Однако семемы не функционируют самостоятельно, они появляются в пределах существующей лексемы и являются новым свойством старой единицы, которое меняет ее статус. Следовательно, их новизну можно рассматривать как новизну второй степени, связанную с существующей единицей. Таким образом, единицы этого типа следует определять не как неосемемы, а как «инносемемы» или семантические инноваты.

«Семантический инноват» – это вторичное (производное) значение, разновидность лексических неологизмов на лексико-семантическом уровне, возникшее на основе семантической деривации и семантического калькирования.

Семантическая деривация понимается как образование производных значений, которые становятся фактом лексической системы в результате метафорических и метонимических переносов.

Метафоризация осуществляется на основе сходства названной уже реалии с новообозначаемой реалией, ср., например, *челнок*, где метафорический перенос осуществляется на основе сходства движения, совершаемого предметом и мелким торговцем:

челнок / зн. 'Часть ткацкого станка в виде продолговатой овальной коробки или колодки с намотанной пряжей для прокладывания уточной нити'

челнок перен. разг. ‘Мелкий торговец, ввозящий товар из-за рубежа и вывозящий его за границу с последующей реализацией на местных рынках’ [12].

Метафорический перенос является активным способом семантической деривации. В новейший период большое количество слов приобрело новые значения, например: *аллергия на кого-что* ‘нетерпимость’, *марафон* (предвыборный), *обвал* ‘углубление кризиса’, отмывание (денег), *перегрев* ‘напряженность’ и др.

Метонимический перенос предполагает употребление слова, обозначающего некую реалию, для обозначения другой реалии, связанной с первой по ситуации, ср.:

Сахарная каемка на коктейле(напиток)– На коктейле(мероприятие) можно принять довольно большое количество гостей и в сравнительно небольшом помещении.

Адидас(фирма) начинает выпускать и другие товары под маркой Adidas. –купить Адидас (продукция фирмы) можно в виде: парфюм и туалетная вода.

Семантическое калькирование, как известно, представляет собой заимствование переносного значения, ср.: англ. *Mouse* в информатики: мышь ‘небольшое вспомогательное устройство для ввода информации в компьютер, перемещением которого по поверхности (стола) контролируется положение курсора на мониторе’ [12].

Приведем еще несколько таких заимствований из английского языка: *винчестер*– устройство для хранения информации в компьютере, *вирус* – компьютерный вирус, *команда*– ближайшее окружение какого-л. политического лидера или должностного лица, способствующее реализации его программы; *пакет*– совокупность (решений, законов, документов, мер и т.п.), носящая целостный характер.

Таким образом, под семантическим инноватом понимаем, во-первых, новое значение (семема) в структуре многозначного слова, возникшее в результате семантической деривации на основе метафорического и метонимического переноса. Во-вторых, в понятие семантического инновата включаются семантически калькированные

метафорические и метонимические значения, которые развиваются по существующим в русском языке моделям.

Библиографический список

1. Благоева Д. За някои основни понятия в неологията // 70 години българска академична лексикография. София, БАН, 2013. – С. 366–374.
2. БТСИС 1995: Надель-Червинская М. А., Червинский П. П. Большой толковый словарь иностранных слов, т. 1–3, Ростов-на-Дону, 1995. – 544 с.
3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М: Логос, 2003. – 304 с.
4. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. М., 1973. – 224 с.
5. Головин Б.Н. Введение в языкознание. Изд. 3-е, исправл. М.: Высшая школа, 1977. – 311 с.
6. Гочев Г. Активные процессы в лексике современного русского языка. Лекции по спецкурсу. Краткий русско-болгарский словарь новаций. Велико Търново: УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2013. – 107 с.
7. Гочев Г. Лексика русского языка новейшего периода: четыре лекции по спецкурсу. LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, 2015. – 89 с.
8. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука ЛО, 1983. – С. 71–81.
9. Лыков А.Г. Современная русская лексикология: русское окказиональное слово: учеб. пособие для филол. факультетов ун-тов. М.: Высшая школа, 1976. – 119 с.
10. Попова Т.В., Рацибурская Л.В, Гугунава Д.В. Неология и неография. М.: Флинта: Наука, 2005. – 168 с.
11. Сенько Е.В. Инновации в современном русском языке. Владикавказ: Ир, 1994. –
12. ТССРЯ 2005: Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. Под ред. Г. Н. Складяревской, М.: АСТ: Астрель, 2005. – 894 стр.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Безруков Андрей Николаевич
кандидат филологических наук,
доцент
Башкирский государственный
университет, Бирский филиал
Россия, г. Бирск
e-mail: in_text@mail.ru

Bezrukov Andrey Nikolaevich
Candidate of Philology, Associate
Professor
Bashkir State University, Branch in
Birsk
Russia, Birsk
e-mail: in_text@mail.ru

А. Н. Безруков

ТЕКСТЫ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО КАК ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НА СОВРЕМЕННУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация: В работе осуществлен анализ современной русской прозы. Литературной базой исследования является малая проза Дмитрия Глуховского. Рецензия цикла «Рассказы о Родине» осуществляется в рамках концептуальной оценки идейно-тематического уровня. Новизна статьи заключается в том, что данный цикл в критической массе источников практически не оценен. Хотя формально и содержательно «Рассказы о Родине» корректируют стиль и манеру повествования Д. Глуховского, что интересно и актуально для современного читателя. Думается, выявленные приметы письма одного из востребованных авторов современной русской литературы высвечивают объективный ценз динамики эстетической оценки факторов окружающей человека действительности.

Ключевые слова: современная; современная русская литература, малая проза, Дмитрий Глуховский, цикл, автор, читатель, контекст.

Andrei N. Bezrukov

TEXTS OF DMITRY GLUKHOVSKY AS ARTISTIC AND AESTHETIC REACTION TO MODERN REALITY

Abstract: The paper analyzes modern Russian prose. The literary basis of the study is a small prose by Dmitry Glukhovsky. The reception of the series “Tales of the Homeland” is carried out as part of a conceptual assessment of the ideological and thematic level. The novelty of the article lies in the fact that this cycle is not appreciated in a critical mass of sources. Although formally and informatively, “Tales of the Homeland” corrects the style and manner of narration of D. Glukhovsky, which is interesting and relevant for the modern reader. It is thought that the revealed signs of the letter of one of the most

sought-after authors of modern Russian literature highlight the objective qualification of the dynamics of the aesthetic assessment of the factors surrounding human reality.

Keywords: contemporary Russian literature, small prose, D. Glukhovsky, cycle, author, reader, context.

Проза Дмитрия Глуховского как одного из знаковых имен современности на протяжении уже долгого времени притягивает внимание читателей, переводчиков, а также потенциальных исследователей. Особо известны его романы – «Метро 2033» (2005), «Сумерки» (2007), «Метро 2034» (2009), «Будущее» (2013), «Метро 2035» (2015), «Текст» (2017). Менее же изучены, но потенциально богаты жанры малых литературных конструктов Дмитрия Глуховского, в частности «Рассказы о Родине» (2010). Вариации художественных миров, формируемых писателем, на первый взгляд, очень близки реальности происходящего. Правда, при включении в наличные тексты элементов апокалиптики, высвечивании оттенков научной фантастики, мистики, пределов ирреального – видоизменяется индивидуально-авторский дискурс, что, на наш взгляд, достаточно интересно и провокационно.

Следует констатировать, для Дмитрия Глуховского в малом художественном формате интересен путь подведения читателя к сфере глубинно-потенциальных смыслов, либо некая социальная адаптация эстетически сказанного. В данном случае «интеллектуальный объект создается как бы при нажиме на означающее» [11, с.152], что далее следует интерпретировать и расшифровать. Рецепция малых форм Глуховского не может быть однозначно сведена к установлению в них четко выраженных смысловых пределов. Нарочитая эстетика, поэтический контур, собственно-литературная наррация, информационно-контекстуальное поле, соединяясь друг с другом, ретранслируют абсолютно новую линию писательских коннотаций, ибо «слова имеют больше чем один смысл, а не один не имеющий предела смысл» [10, с. 155]. Следовательно, набор, используемых автором приемов, синкретически сближает точное и буквальное, вымышленное и ирреальное, временное и типичное, настоящее и предугадываемое, социальное и естественное, искусственное и техногенное. Писатель берет на себя смелость построить новую модель оценки происходящего, совершаемого. Таким образом, Дмитрий Глуховский

поддерживает устойчивый диалог с рядом классических магистралей русской литературы.

Современная русская проза XXI века все меньше стремится к стандартизации и кристаллизации типического. Для нее важным и существенным является – выбор, эксперимент, эпатаж, стратегия, претворение нереального. В свое еще М.М. Бахтин отмечал, что даже «в отношении к человеку любовь, ненависть, жалость, умиление и вообще всякая эмоция всегда в той или иной степени диалогичны» [1, с. 320]. На наш взгляд, активнее и действеннее это проявляется в литературном труде. Тексты таких авторов как Виктор Пелевин, Владимир Сорокин, Татьяна Толстая, Захар Прилепин, Дмитрий Глуховский, безусловно, неоднородны и неодинаковы по своей природе и органике, но их стоит воспринимать и комментировать как актуально-злободневный «взрыв», «бомбу», «гуманистический натиск», «эпатаж», «протест», «эстетический crash», «деструктивный литературный манифест». Это явственно заметно на основании оценки и пелевинских «Тайных видов на гору Фудзи» (2019) [8], и сорокинской «Метели» (2010) [13], а до этого «Нормы» (1979-83) [14] и «Голубого сала» (1999), и прилепинских «Патологий» (2004), «Греха» (2007), «Черной обезьяны» (2011) [9], и толстовской «Кыси» (2000) [15] и, конечно же, вариаций на «злободневно-актуальные» темы современности Дмитрия Глуховского. Этим и может быть объяснена актуальность дешифровки подобных моделей реализации и манифестации нового эстетического кода, кода рождающегося в конгломерате слитности творческой активности авторов и не отступающей кристаллизованной классики. Литературный контекст позволяет указанным авторам максимально объемно расширять тематический спектр, создавать так называемый эффект контрапункта. В данных условиях предусмотрен выбор, или движение к открытости. Литературные эксперименты стремятся к адекватике того, что в них «постепенно усиливается поворот к созерцанию вечного цикла событий» [7, с. 51]. Ведь понимание свободы творчества есть некое допущение трансформации смыслов. Целевая установка ряда смежных исследований должна касаться инвенциональной дешифровки поэтики новой прозы, прозы крайних манифестаций, претворения провокационного и, безусловно, избирательного.

«Рассказы о Родине» [5] Дмитрия Глуховского – сборник, который представляет собой смелую книгу о новой России, о России перемен, девальвации ценностей, а также стагнации желаний, книгу о другой Родине. Писатель создает игровую ситуацию оценки реалий настоящего, ибо современный мир потерял некий единый центр, единое понимание движения бытия. Автор таким образом как бы запускает механизм объективации настоящего, ибо «жизнь текста начинается только в процессе чтения» [2, с. 51]. У Дмитрия Глуховского для реализации идейного толка видоизменений российской действительности срабатывает ступенчатость формы – сборник состоит из 16 рассказов («From Hell», «Перед штилем», «Благое дело», «Utopia», «На дне», «До и После» и т.д.) – и ризома сюжетики (тематикой сборника становится практически все, что значимо для человека).

Позиция автора по отношению к той или иной социальной проблеме либерально-нетерпимая. Для писателей важно открыто начинать диалог с потенциальным реципиентом, стоит хотя бы вспомнить нарочитые акценты Венедикта Ерофеева: «И было утро – слушайте, слушайте! И было утро, и был вечер, и полыхали зарницы, и южный ветер сгибал тамаринды...» [6, с. 25]. Но это было чуть ранее! Описываемая в «Рассказах о Родине» меняющаяся Россия 2000-х есть переходный этап к еще более сложному и противоречивому состоянию. Вспомним, что и европейский мир видоизменяет реалии после преодоления рубежа веков, даже отмечается этический крах исторических традиций. Зарубежные писатели – Джонатан Франзен, Джордж Сондерс, Иэн Макьюэн, Пер Петтерсон, Кадзуо Исигуро, Пол Остер, Салман Рушди, Мишель Уэльбек и другие – обращаются к схожим вопросам настоящего, что, несомненно, объединяет прозу Дмитрия Глуховского с мировой литературой.

Вектор циклизации «Рассказов о Родине» регулируется образным рядом – герои переходят из одного текста в другой, авторским желанием определиться с крайней точкой зрения на события сиюминутного, смежностью ряда мотивов. Книга Дмитрия Глуховского ситуативно трансформирует реальность как таковую, ведь «приобщаясь литературе, мы попадаем в область метаполитики и метаистории» [12, с. 47]. Для писателя точно претворяется данный

процесс в том, что это и образ идеальной страны (рассказы «Главные новости», «Одна на всех»), и цифровая версия настоящего (тексты «Протез», «На дне»), и претворение утопической правды жизни (рассказы «Благое дело», «Каждому свое», «Иногда они возвращаются»), и декодирование, разоблачение патриотической фальши («Utopia»), и сила власти в условиях полного социального вакуума («From Hell», «Чё почём»), и предчувствие масштабной катастрофы («Deux ex Machina», «Не от мира сего»), и проблема эсхатологии [4] как таковой («До и После»).

Рассказы из цикла имеют приметы новой эстетики, эстетики близкой апокалиптическому обертону. Дмитрий Глуховский склонен к обработке указанной формы литературного повествования. Хотя бы вспомнить, что романы Глуховского развивают сюжет, в котором мир восстанавливается/воскрешается после страшной катастрофы, либо стоит на грани этого серьезного события. Думается, что эстетический сбив, становится приметой всей циклической структуры. Внешне – естественный ход повествовательных эпизодов перемежается с отзвуками ирреальности. Примером этому служат тексты «From Hell», «Протез», «Главные новости», «На дне», «Deux ex Machina». Схождение в одной параллели разных литературно-художественных кодов определяет и путь интерпретации завершенного прозаического конструкта. «Текстовый плюрализм акцентно трансформирует реальную действительность. Приращением смысла в пространстве знаков становится так называемая диффузия дискурсов, как собственно своих, так и кристаллизованных классикой» [3, с. 15]. В рассказе «Протез» авторская наррация близка публицистическим канонам: «Я прекрасно понимаю, что «силикон» на русский язык переводится как «кремний». За примерами далеко ходить не надо, возьмем прямо из отрасли: знаменитая Силиконовая долина на самом деле называется Кремниевой долиной. Что логично: именно из кремния делают микросхемы, на которых зиждется весь американский хай-тек, от CISCO до Microsoft.

И все же я настаиваю: в русском уже есть устойчивый термин, пусть и заимствованный» [5, с. 65]. Манипуляцией с массовым сознанием автор достигает расположения к себе потенциального читателя.

Дмитрий Глуховский конденсирует вариативность поэтических блоков. Суггестия смысла в этом случае будет зависеть от литературной классики, чье влияние на тексты последующих эпох неизменно: «До глубокой ночи Богов метался по своему лофту, обдумывал план спасения. Приникал к ноутбуку, занося на хард-диск робкие, тщедушные идеи и тут же стирал, хлестал себя по щекам и умывался ледяной водой...» [5, с. 107]. Воздействие же на читателя происходит не в режиме обобщения художественно-эстетической системы, но в разверстке уточнения информативного и актуального: «Нужен ребрендинг, твердил он себе. Нужно наделить программу новой энергетикой. Им недостаточно конфликта? ... Не хватает зрелищности? ... игры кончились, теперь все всерьез! Больше никаких дуэлей, никакой куртуазности... Да!» [5, с. 107-108]. Отчасти подобное проявлялось в зарождающемся реализме начала XIX века, в традициях натуральной школы, далее в рамках критического реализма. Если конкретизировать потенциал художественных наблюдений Дмитрия Глуховского, они перекликаются с очерковыми записями Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова и ряда других классиков русской литературы.

Онтология историко-культурного диалога для Глуховского не в буквальности копирования, воспроизведения нарочитой реминисценции, а в возможности оценки беспринципного повторения в жизни социума уже когда-то имеющей место быть ситуации смещения этических ориентиров. Трагический пафос малых форм писателя заключен и в претворении мотива фатальности бытия, обреченности человека на злоключения: «Прямо над его головой... громадная, как весь Черкизовский рынок, выдранный из земли с корнями... в пыльном московском небе зависла, переливаясь ярчайшими огнями, летающая тарелка! ... Корабль все снижался, будто намереваясь приземлиться точно на Сашину голову и на Третье кольцо вообще, уничтожив в мгновение ока плоды многолетних трудов...» [5, с. 187]. Вероятно, этим может быть объяснено желание автора периодически в сюжете своих текстов (романы «Метро...») фактор пандемии доводить до литературного абсолюта. Не только власть и сила, не только деньги и бюрократия, не только золотовалютный резерв и полезные ископаемые, не только

трансцендентные условия портят ценз поступков – манипулятором реальности становится сам человек.

Художественное время в «Рассказах о Родине» не имеет признаков застывшей стихии. Проникая в сюжет того или иного текста, попадаешь в топос живой активности. Герои, персонажи не выпадают как из художественного формата, так и реального, действительного: «Есть и такая опасность. В панике на глубине случается, что люди даже путают верх и низ, не говоря уже об остальных направлениях. Если что-то произойдет – запомните: главное – ни в коем случае не всплывать вверх слишком быстро... Короче говоря – от слишком быстрого подъема может просто разорвать мозг» [5, с. 213]. Например, события рассказа «Иногда они возвращаются» напоминают элементарный процесс дыхания, о котором практически никогда не задумывается человек. Хотя при возникновении мысли о прекращении этого естественного «хода», начинают нарастать волнение, тревога и страх.

Помимо элементов фантастического, нереального, Глуховский допускает в рассказах и факторы утопического: это идеи/соображения о развитии страны. Государственный механизм в «Рассказах о Родине» технически выверен, но неправильность работы этой машины предчувствуется. Ее изношенность, потрепанность, негибкость допускают ребрендинг, изменение статуса, формы навигации действий.

Рассказ «Одна на всех» является, пожалуй, главным в сетке цикла, так как в нем манифестирована основная цель книги: «И вот, собственно, ваша задача. Придумайте что-нибудь. Нужно воскресить и модернизировать патриотизм. Придать Родине sex appeal... Я хочу, чтобы слово «Родина» стимулировало нервные центры не только в мозгу православного хоругвеносца и не только в мозгу казацкого атамана. Я хочу, чтобы Родина была трендовой» [5, с. 250]. Рассказ изобилует разно-языковыми формами установления контакта: вопросно-ответный ход, умолчание, цитация, аллюзия. Поэтика текста финально ориентирует на фатальность событий.

Персонажи Глуховского вовсе не марионетки действительности, они способны рассудительно опасаться неправильного исхода. Завершает книгу рассказ «До и После». В нем описан новостной

формат, текущий из СМИ. Мир информации для жителей глухой деревни «сплошные расстройства», они объективно уверены, что при передаче новостей «всегда соврут». Главная новость, долетевшая до глубинки – «Война!», вначале вводит в исступление, заставляет задуматься, «как же будем», но потом привычно и рационально Нина Прокофьевна вдруг объявляет: «Да так же и будем, как жили... Что изменилось-то?» [5, с. 377]. Спокойствие человека как и было всегда в русской прозаической литературе нарочито повторяется. Этим близок Дмитрий Глуховский текстам Достоевского, Лескова, Распутина, Шукшина.

Потенциальный творческий диалог Глуховского с предшествующей литературой происходит не столько на уровне формы, хотя и это немаловажно, но и на спектральном сопоставлении реалий, уже произошедших и только еще намечающихся. Обыгрыванием стандартов и клише – сюжет, тема, проблемный ряд, художественная коллизия – Д. Глуховский ориентирован на максимальную объективацию действительности, показ низа жизни, демонстрацию некоей дезориентации бытия, на актуализацию противоречий. Вероятно, для писателя принципы сатиры, юмора, анекдотической ситуации значимее, нежели ироническая самооценка. Этим и отличен стиль Глуховского от резонансных постмодернистских веяний.

Подводя итог можно отметить, что «Рассказы о Родине» Дмитрия Глуховского есть долгожданный эксперимент в новой амплитуде постреализма, ожидаемая художественно-эстетическая реакция на мир, мир, в который погружен современный реципиент. Данный цикл есть небуквальное подражание классике, и это, действительно, так. В рассказах о Родине осуществлена попытка манифестации серьезного вопроса – вопроса природы оценки событий, как настоящего, так и будущего. Намеки, ориентиры, оценки: все в цикле является объективным и показанным без прикрас. Сопоставляя свою родину с рядом других государств, один из персонажей тезирует: «Не страна, а какая-то утопия!» [5, с. 244]. Действительно, необычность и сложность своей Родины понять непросто, не достаточно и только лишь описать настоящее. Литература XIX, XX века всегда стремилась конкретизировать

предстоящее, понять динамику изменений к лучшему. У Дмитрия Глуховского получился смысловой, метафизический переход от Ада и кромешной тьмы («From Hell») к вере и самоидентификации личности («До и После»). Следовательно, картина современности далее должна быть воспринята потенциальным реципиентом и декодирована исходя из его этических компетенций и пределов допустимого.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7-ми т. Т.5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1997. – 731 с.
2. Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. – СПб, Гиперион, 2018. – 226 с.
3. Безруков А.Н. Философская эстетика постмодернизма: деконструкция стиля и языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-3 (65). – С. 14-16.
4. Безруков А.Н. Эсхатология прозы Виктора Пелевина // Litera. – 2018. – № 2. – С. 208-215.
5. Глуховский Д.А. Рассказы о Родине. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 384 с.
6. Ерофеев В. Малая проза. – М.: Захаров, 2005. – 96 с.
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – 4-е изд., репр. – М.: Вост. лит., 2006. – 407 с.
8. Пелевин В.О. Тайные виды на гору Фудзи. – М.: Эксмо, 2019. – 416 с.
9. Прилепин З. Дорога в декабре: Паталогии. Грех. Ботинки, полные горячей водкой. Санька. Черная обезьяна. Лес: [романы, повесть, рассказы]. – М.: Редакция Елены Шубиной, АСТ, 2014. – 1052 с.
10. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
11. Ролан Барт о Ролане Барте / Сост., пер. с фр. и послесловие С. Зенкина. – М.: Ad Marginem / Сталкер, 2002. – 287 с.
12. Смирнов И.П. Олитературенное время. (Гипо)теория литературных жанров. – СПб: Изд-во РХГА, 2008. – 264 с.
13. Сорокин В.Г. Метель. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 224 с.
14. Сорокин В.Г. Норма: [роман]. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. – 413 с.
15. Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. – М.: Подкова, 2001. – 320 с.

Илчева Радослава Велчева
Доктор филологии, доцент
Институт литературы Болгарской
академии наук
Болгария, г. София
e-mail: rilcheva@abv.bg

Pcheva Radoslava Velcheva
Associate Professor, PhD
Institute for Bulgarian Academy of
Science
Bulgaria, Sofia
e-mail: rilcheva@abv.bg

Р. В. Илчева

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ: БОЛГАРСКИЕ СТРАНИЦЫ

Аннотация: В.И. Даль – выдающийся лексикограф, известный в свое время писатель, хирург-виртуоз, ученый, внесший свой вклад во многие области знания. Вместе с тем он стоит у истоков болгарской темы русской литературы. Участник Русско-турецкой войны 1828-1829 гг., Даль имел возможность воочию увидеть быт и нравы болгар, болгарскую природу. Результатом этих впечатлений стала повесть «Болгарка» (1837 г.), героиня которой – первая болгарка в русской литературе. В этом произведении с особой силой прозвучали проблемы обездоленного положения женщины, ее виктимизации в жестоком мире войн - проблемы, получившие дальнейшее развитие в ряде произведений писателя.

Ключевые слова: Казак Луганский, Русско-турецкая война 1828-1829, болгарская тема, повесть «Болгарка», обездоленное положение женщины, виктимизация.

R.V. Ilcheva

VLADIMIR IVANOVICH DAL: THE BULGARIAN PAGES

Abstract: V.I. Dal was a pronounced lexicographer, a famous author, a prodigal surgeon, a scientist who contributed to a lot of different spheres. He is one of the authors who introduced the Bulgarian thematic to Russian literature. Having participated in the Russo-Turkish War (1828-1829), Dal had the chance to see the daily life and character of the Bulgarians first-hand. The novelette “A Bulgarian Woman” (1837), the protagonist of which is the first Bulgarian woman in Russian literature, is a result of his impressions formed during that period. In this work, female oppression and victimization in the cruel time of war are a central topic, one to be further developed in his later work.

Keywords: Kazak Lugansky ("Cossack from Luhansk"), Russo-Turkish War (1828–1829), the Bulgarian theme, the novelette “A Bulgarian Woman”, female oppression, victimization.

Толковый словарь живого великорусского языка. Это первая и нередко единственная ассоциация, которая возникает при упоминании имени Владимира Ивановича Даля. Словарь стал делом жизни своего автора: он посвятил ему целых 53 года. Этот поистине эпохальный труд не потерял своего значения по сей день: ни одно серьезное исследование в области русской лексикологии не обходится без ссылок на него¹.

Толковый словарь – это не только сокровищница русского языка, вобравшая в себя приблизительно 200 тысяч слов и 30 тысяч идиом. Он, по мнению авторитетнейшего далеведа Ю.П. Фесенко, сыграл решающую роль в снятии языкового противостояния простого народа и цивилизованного сословия, закончив начатое в этом плане А.С. Пушкиным².

Воздействие Словаря не только на филологическую науку, но и на общественную жизнь было настолько большим, что он, в некотором смысле, заслони собой фигуру автора в массовом сознании.

Казак Луганский. Эта ассоциация выдает историка русской литературы XIX века. Первые стихотворения Даля были отпечатаны в 1827 г. в журнале А. Воейкова «Славянин», а первое прозаическое произведение («Цыганка») – в 1830 г. в «Московском телеграфе» Н.А. Полевого. Но в большую литературу Даль вошел в 1832 г., когда опубликовал «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый»³. Псевдонимом автор отдал

¹ Более подробно о Словаре см. статью А. Липовской [8].

² «Эти две части народа надо было объединять, иначе невозможно было начать двигаться вперед. И начать объединение надо было именно на базе русского языка. Таким образом, Возрождение началось у нас с созданием современного русского языка, ведь именно Даль закончил творческое наследие Пушкина». [13]

³ Из-за интриг Ф.В. Булгарина в Министерстве просвещения книгу сочли неблагонадежной, а самого автора арестовали прямо во время обхода больных. Лишь заступничество Жуковского спасло Даля от репрессий. Все же нераспроданный тираж «Русских сказок» был уничтожен [10, с.33; 1].

дань месту рождения – Луганскому заводу (или г. Лугань Екатеринославской губернии, ныне г. Луганск).

Литературное наследие В. Даля богато и разнообразно. Полное собрание его сочинений вышло в 1897-1898 гг. (СПб: Изд. Вольфа) и состоит из 10 томов, в которых опубликованы рассказы, повести, очерки. Лишь в наше время, благодаря исследованиям ряда литературоведов, фигура Казака Луганского снова начинает выглядывать из-за фигуры Автора Толкового словаря. Мы узнаём, что Даль был своим в кругу известных писателей и поэтов своего времени: Пушкина, Гоголя, Одоевского, Крылова, Жуковского. Его творчество ценили Белинский, Некрасов, Тургенев.

Пушкин и Даль – это тема особого разговора.

...Даль сопровождал Пушкина по пугачевским местам Оренбургского края, когда тот собирал материалы для «Истории Пугачева» ...

...Трое суток Даль не отходил от постели умирающего поэта. Он принял его последний вздох и закрыл «померкшие глаза закатившегося солнца русской поэзии» [10, с.37]. Далю Пушкин вручил один из своих перстней-талисманов – кольцо квадратной формы с изумрудом, про который верил, что если снимет с руки хоть на минуту, божественный дар его покинет. «Этот перстень Владимир Иванович носил до смерти на той руке, которая написала *Словарь живаго великорусскаго языка*» [10, с.37-38]. Далю же Наталья Николаевна передала пробитый роковой пулей сюртук супруга...

Блестящий лингвист, фольклорист⁴, самобытный писатель и сказочник, Владимир Иванович Даль относится к тем людям, имя которых у всех на слуху, но о личности, которых известно не так уж много. Хотя бы, что у собирателя и хранителя сокровищ русского

⁴ Даль в течение всей жизни собирал народные песни, сказки и лубочные картины. Посвятив себя целиком Словарю, он передал свое обширное собрание народных сказок А.Н. Афанасьеву, а собрание народных песен и былин – П.В. Киреевскому [11, с.23-24]. У Даля было и лучшее в то время собрание лубочных картин, которое поступило в Императорскую публичную библиотеку и вошло впоследствии в издания Ровинского[1].

языка, ученого с таким русским антропонимом, не было ни капли русской крови. Его отца – датчанина Иоганна Христиана Даля (Johan Christian Dahl), пригласила в Россию Екатерина II в качестве придворного библиотекаря. Позже он закончил медицинский факультет в Германии. В России открыл медицинскую практику, переложил свое имя на русский лад (Иван Матвеевич Даль), женился на обрусевшей немке Марии Фрейтаг, в роду которой по линии матери были и французские гугеноты.

Родители автора Словаря были полиглотами⁵, но в их доме говорили только по-русски. И это в то время, когда в русских дворянских семьях разговаривали преимущественно по-французски [8, с.244]. Посетив родину отца в 16 лет во время учебного плавания (первое образование будущего лексикографа и писателя – военно-морское), Даль позже вспоминал: «Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков» [11, с.11].

Хирург-виртуоз. Эту ассоциацию неизменно сделает историк российской медицины при упоминании имени В.И. Даля. Потому что после нескольких лет службы на Черном и Балтийском морях флотский офицер пошел по стопам отца – в 1826 году поступил в Дерптский (Тартуский) университет на медицинский факультет. Углубленные занятия медициной не сузили кругозор любознательного молодого человека⁶: за работу на тему, объявленную философским факультетом, он получил серебряную медаль. В 1828 году ему пришлось досрочно выдержать экзамены на доктора медицины и хирургии – за Дунаем шла война, в действующей армии

⁵ Мать В.И. Даля свободно владела пятью языками, отец знал немецкий, английский, французский, русский, идиш, латынь, греческий и древнееврейский языки. Сам Даль, помимо русского, владел двенадцатью языками и понимал тюркские наречия.

⁶ Годы учебы свели Даля с людьми, которым предстояло вписать свои имена в русскую историю: в Морском кадетском корпусе он дружил с будущим знаменитым флотоводцем адмиралом П.С. Нахимовым, в Дерпте его другом был будущий знаменитый хирург Н.И. Пирогов [8, с.247], который оставил о нем воспоминания.

была вспышка чумы, что потребовало усиления военно-медицинской службы. В ходе сражений русско-турецкой войны 1828-1829 гг. и польской кампании 1831 г. Даль зарекомендовал себя блестящим военным врачом, спасшим жизнь многим солдатам. В Польше, за неимением инженера, он навел понтонный мост, который обеспечил успех русской армии. [11, с.14].

С 1832 г. Даль - ординатор в Петербургском военно-сухопутном госпитале и медицинская знаменитость столицы. Особенно он прославился как хирург-окулист. По его собственным словам, у него было более 40 операций снятия катаракты все они были успешными. Удаля левая рука была развита настолько же, как и правая, «почему самые знаменитые операторы приглашали его в тех случаях, когда операцию можно было сделать ловчее и удачнее левою рукой» [5, с.391-392]. Психологи считают, что у таких людей одинаково развиты и левое, и правое полушария головного мозга. «Они одинаково способны и к точным наукам, и к художествам, пусть и без гениальных озарений. Даль, к тому же, отчаянно трудолюбив и яростно добросовестен» [12, с.10].

...Он стоял у постели умирающего Пушкина не только как друг, но и как врач – наряду с известнейшим лейб-медиком Н.Ф. Арендтом и другими петербургскими светилами медицины. Он вёл дневник истории болезни, писал протокол вскрытия тела поэта...

Даль, на долю которого выпало немало испытаний и разочарований, был поистинемногогранной личностью:

Автор более 100 очерков о русской жизни, статей по медицине, учебников «Ботаника» и «Зоология», одной из первых в России статей в защиту гомеопатии. Он – один из первых в России тюркологов, востоковед; самобытный представитель натуральной школы, сотрудник таких престижных журналов как «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Москвитянин»; публицист ...

Путешественник, естественник, натуралист, за свои коллекции по флоре и фауне Оренбургского края избранный членом-корреспондентом Петербургской академии наук по физико-математическому отделению (1838); чиновник особых поручений при

военном губернаторе в Оренбурге, секретарь, а потом заведующий особой канцелярией Л.А. Перовского как министра внутренних дел (1843-1849); управляющий нижегородской удельной конторой (1849-1859), один из учредителей Русского географического общества (1845), действительный статский советник, почетный член Академии наук по Отделению естественных наук (1863), член Общества любителей Российской словесности (с 1868 г. почетный член), Общества истории и древностей Российских. Уже в преклонном возрасте, составив по просьбе академика Я. К. Грота перечень своих званий, он писал: «Сам испугался учености своей, переписав все почеты эти...» [9].

В наше непростое время его яркое русское самосознание⁷ и разносторонний вклад в русскую общественную жизнь стали знакомы культурной идентичности на его родине⁸.

Вне поля зрения остается и личная жизнь этого замечательного человека. А там немало интересного для нас, болгар: одна из его дочерей – Мария, была замужем за болгариним – просветителем Константином Станишевым.

Но вернемся к Далю-писателю. Знаменательным представляется то обстоятельство, что наряду с Пушкиным Даль стоял у истоков болгарской темы в русской литературе. Обстоятельство, почти не замеченное как болгарскими русистами, так и российскими болгаристами.

Речь в настоящей статье пойдет о рассказе (а по современным меркам - повести) «Болгарка», опубликованном впервые в 1837 году.

⁷ Ср.: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека – вот где надо искать принадлежность его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно проявлением духа – мыслию. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски» [10, с.89-90]

⁸ Ср.: «Ударим ДАЛьнобойными орудиями русского языка и культуры по неофашизму и бандеровскому национализму!» [7].

Из болгарских русистов о нем упоминает лишь языковед Анна Липовска, которая отмечает, что «писатель проникается жизнью, обычаями, языком не только своего народа, но своим редким талантом и знаниями входит в народопсихологию, обычаи и традиции другого – болгарского – народа, улавливает характерные черты его быта и душевности». [8, с.247]. Под линией Липовска приводит отрывки из текста, в которых описывается физическая красота героини. По ним, однако, нельзя судить о сюжете, специфике и художественном послании самого произведения; о его месте и значении для разработки болгарской темы русской литературы.

В доступной нам научной литературе на это произведение обратил внимание единственно знаток литературного наследия В.И. Даля Ю.П. Фесенко, который выделил в прозе писателя целый цикл «болгарских» повестей. В цикл, наряду с «Болгаркой», он включил повести «Цыганка» и «Подольянка». Они не имеют прямого отношения к Болгарии, но связаны с военной кампанией 1929 года на Балканах и объединены образом автора-доктора, а также особенностями стиля и композиции. В них «решительно осуждается война как средство разрешения межнациональных конфликтов» [14, с.127].

Ввиду вышесказанного, постараемся ввести рассказ/повесть «Болгарка» Даля в научный оборот с позиции присутствия болгарской темы в русской литературе

Родоначальником темы принято считать А.С. Пушкина, что весьма льстит нашему национальному самолюбию. Вместе с тем его Кирджали из одноименной повести (а по современным меркам - рассказа) 1834 г. – отнюдь не первый болгарин в русской словесности. Им стал безымянный главный герой поэмы анонимного автора «Любовь в тюрьме» (1828 г). Поэма посвящена разделенной, но трагической любви предводителя болгарских повстанцев и дочери его врага – турецкого феодала и, в некотором плане, «собрана» из мотивов восточных поэм Байрона и южных поэм Пушкина. В 1832 году болгары выступили в «массовке» в поэме П. Родивановского «Пленник», рассказывающей тоже о разделенной, но на этот раз со счастливой концовкой, любви пленного казака и проживающей в

Бургасе гречанки. По причине художественных недостатков читающая публика не заметила этих произведений [6].

Произведение «Два рассказа или Болгарка и Подолянка» появилось три года после пушкинского Кирджали – в XIII части энциклопедического журнала «Московский наблюдатель» за 1837 г. за подписью В. Луганский. Его героиня стала первой болгаркой в русской литературе, опередив на шесть лет Райну, королеву болгарскую А.Ф. Вельтмана⁹.

Повествование ведется от имени самого Даля – тогда военного врача в действующей армии. Рассказ начинается со вступления (или отступления – колебание автора), в котором рассказывается о птице *слуке* (вальдшнепе), умирающей не в неприличных акробатических телодвижениях, а благородно – как Брут или Сократ. «Сцепление мыслей» уводит рассказчика от смерти птицы к двум последним походам, в которых он участвовал – турецком и польском. В этом беспредельном море воспоминаний чаще всего всплывают женские образы, среди которых постепенно проступают два видения – «одно в полосатых шерстяных тканях, ярких цветов и белой фате, с ясными, сокольими очами своими и греческим продолговатым обликом, другое в белом европейском платье» [2, с.8]. Эти женщины друг друга не знали, но стоят «рядом перед оком души» рассказчика, потому что их участь была одинакова: «одно бедствие – война рассекла всесокрушающим мечом своим узел домашнего счастья вашего, <...> а недоумения, кривотолки, превратные понятия, ложное направление ума и сердца тех, от которых вы ожидали счастья своего, погубили вас, принесли и возложили на жертвенник блуждающего человечества» [2,

⁹ В своем анализе мы будем ссылаться на эту первую публикацию, т.е. на тот текст, который вошел в русскую литературу непосредственно после пушкинского «Кирджали». Отметим, что различия с последующими изданиями не столь значительны и касаются преимущественно стиля, а не содержания произведения. Иногда они уточняют некоторые факты – например, если в первой публикации, говоря о дорогом петербургском госте, посетившем Оренбургский край, Даль отмечает под линией, что его уже нет [2, с.6], то в последующих изданиях называет его имя – А.С. Пушкин.

с.9]. Обе героини мало действовали – только сносили и терпели, их жалобы «безотголосо замирали среди бурь потока», мольба о них не разнеслась далее порога соседней хижины. Никто не вспомнит о них, разве что престарелые родители помянут их в своих одиноких молитвах, «произносимых и тут и там на одном из славянских, близких к русскому языку наречий» [2, с.10].

После этого общего по сути вступления к двум самостоятельным повестям – «Болгарка» и «Подольнка»¹⁰, автор приступает к рассказу о своем прибытии в армию, о Кулевчинской битве, переходе через Балканы и вступлении в город Сливно (Сливен). Лишь тогда, на двадцатой из тридцати пяти страниц, появляется сама героиня. На винограднике, во время передышки, военный врач знакомится с двумя девушками-болгарками. Вскоре к ним присоединяется третья – чернобровая красавица, рослая, статная, ловкая. Жестами она взволнованно объясняет, что у нее дома есть раненый и просит о помощи. Рассказчик идет за ней и оказывается во дворе ее дома, где находит раненого турка. Поведение девушки неожиданно резко меняется – до тех пор веселая, беспечная и спокойная, при виде раненого она переходит в высшую степень отчаяния. Оказывается, что это ее жених – болгарин, по его же словам, насильно мобилизованный турками. Он божится и клянется, что в русских не стрелял, а когда дело дошло до рукопашной, то стал креститься. Этим давал понять, что он тоже христианин и что просит пощады. Все же какой-то русский наездник раскроил ему голову и разрубил плечо.

Обработав раны болгарина, врач услышал голос лежащего на соломе под навесом раненого казака. Преследуя на улицах города неприятеля, он был ранен в руку и ногу тем самым болгаринном, который клятвенно заверял, что не воевал против русских. Милосердный хозяин сам привел казака в свой дом, а его дочь

¹⁰ Между этими двумя произведениями существует любопытная парная сопряженность, которая за неимением печатной площади и ввиду конкретной исследовательской установки останется за пределами нашего анализа.

отправилась в стан русских за помощью. Каким было ее удивление, когда, по возвращении с врачом, она застала во дворе еще одного раненого – своего жениха-ревнивца.

Неприятели сразу узнали друг друга, но повели себя по-разному. В болгарине «кипела злоба и спорила с вынужденною покорностью». Русский, наоборот, был спокоен и немногословен. Он говорил: «Господь с тобою. Молись за душу мою, коли ты крещеный человек; а я помолюсь за твою! – Бог тебя простит» [2, с.29]. Раненых определили в разные части дома, но неугомонный болгарин, толкаемый злобой и ревностью, еще на следующий день был на ногах. Несмотря на строгий запрет врача, он приходит к русскому и снова начинает спорить. Он отрицает, что извлеченная из руки казака пуля его: его пули побольше и, если бы при нем был его подсумок, он бы это доказал. Желая оневинить своего жениха, болгарка приносит подсумок – к великой ярости его владельца. Пули в подсумке оказываются идентичными той, которою было выстрелено в казака.

Поединок из военного перерастает в бытовой, а то и в любовный. Болгарин все время бушует, шумит и буянит в такой степени, что хозяин дома, не смея выпроводить раненого русского, отводит будущего зятя в дом его родителей, живущих неподалеку. Навещая казака, врач застает его в веселых разговорах с болгарской красавицей, которая сидит и прядет на крыльце под навесом. Казак уверяет, что в три дня выучился по-болгарски и что может спросить *млека* и *гогули*¹¹. На третий день он возвращается на носилках в русский стан, а болгарская красавица, как кажется автору, неохотно расстается с ним.

Далее русские войска выступают из Сливно (Сливена) и начинаются однообразные военные будни. После подписания мира между Россией и Турцией сливняне, получив разрешение русского командования, вместе с русской армией покидают навсегда свою родину. Перед уходом они мстят своим заклятым врагам – туркам, «с безрассудною, зверскою жестокостью»: режут их втихомолку и в

¹¹ Вероятно, гугули – в некоторых южных диалектах *кукуруза*

одиначку, поджигают их дома и при одном только упоминании врагов дрожат «всем телом от злобы и ненависти» [2, с.35].

Через некоторое время из разговора двух казаков, в одном из которых – Дементыиче, рассказчик узнает своего бывшего пациента, становится известной печальная участь болгарки-красавицы. Ревнивый, злой и мстительный жених девушки не переставал ссориться со своим будущим тестем и невестой, постоянно упрекая их в том, что они приняли в свой дом чужака, что его невеста ухаживала за ним и находилась с ним под одной крышей. Он клянется ужасными клятвами, что женится на девушке только для того, «чтобы взять ее в руки и мстить за себя по край гроба». Не успев убедить беснующегося жениха в своей невинности и упрямого отцане отдавать ее замуж за этого палача, красавица лишает себя жизни, бросаясь в колодец. Так героиня остается навсегда в земле отцов и дедов «последним залогом и жертвою будущего благоденствия одноземцев своих» [2, с.40].

В конце повествования автор высказывает надежду, что в России, куда вместе со всеми сливнянами пришли жених и отец бедной девушки, процветет новое поколение со смягченными нравами и подчиненными рассудку страстями. Но тут же сам себя одергивает: «Но что я говорю! Они забудут об этом, забудут, или не услышат и вовсе, проживая дни свои в том же тупом равнодушии»¹².

Исследование художественной специфики произведения на данный момент не входит в наши исследовательские задачи, но все же отметим его разножанровость, которая возникает в результате переплетения элементов жанров путешествия, бытовых зарисовок (местами в духе еще не заявившей о себе в середине 30-ых годов

¹² В последующих изданиях концовка была дополнена авторскими рассуждениями о смысле благоденствия: «А благоденствие, друзья, о котором я промолвился, где оно? в Сливне, или в нынешнем болгарском сельце, где живут переселившиеся в Бессарабию сливняне? Ищите его в себе, говорю я – это сказано уже сто раз, но не мешает повторить тоже и во сто первый; если найдете, ладно; а если нет, - доброй ночи и спокойного сна, а и пуще того – благодатного утра: вы не увидите его прежде этого утра, хоть не ищите!» [3, с.154].

«натуральной школы»), военных реляций, *жестокого* романса. Впрочем, сам автор колеблется при определении жанра: свое повествование он не называет «ни повестью, ни романом, ни драмою, а просто рассказом, сказанием о том, что видел и слышал, воспоминанием». И, поскольку с этим воспоминанием связаны события его собственной жизни, он прибавляет к перечню еще одно определение – отрывок из дневника [2, с.10].

Произведение создавалось в духе реализма – за исключением подачи образа главной героини. Ее страдания и печальная участь описаны в романтическом ключе. Здесь обнаруживается и романтическая идея невозможной (а в данном случае, несостоявшейся) любви: у болгарки есть жених, у казака – жена. Девушка, судя по некоторым деталям, небезразлична к нему; он заверяет, что в их отношениях «не было греха ... ниже вот на волос» [2, с.37].

Даль взволнован красотой своей героини – длинные темные ресницы, огонь темнокарих очей сквозь полупрозрачные веки. Писатель зримо передает ее портрет, обрамляя его сожалением о том, что он сам не живописец: «<...> и жалел, что я не живописец. Рослый, прямой стан, опоясанный широкою из разноцветного шелку и золота, вытканною тесьмою, полная юбка из красивой, ярких цветов, шерстяной ткани, шитая на плечах и на груди сорочка тщательно убранные и во множество косичек заплетенные, длинные, черные и густые волосы, род белой фаты или покрывала из реденькой кисеи, упадавшего с головы на плеча, наконец вся выразительная наружность ее, все это вполне соответствовало окружавшим ее предметам, располагавшим воображение к мечтанию, и я еще раз пожалел, что я не живописец» [2, с.32-33]. Нетрудно обнаружить в этом описании романтическое любование дитятею природы, преклонение перед идеалом женщины, которое позже обретет свою законченность в знаменитом некрасовском апофеозе величавой славянке из поэмы «Мороз, Красный нос». Героиня в восприятии казака – славная, добрая девушка [2, с.37], в восприятии повествователя – сострадательная, чистой души [2, с.38], голубица [2, с.39]. Автор потрясен ее судьбой,

ему этот случай «лег <...> на сердце и просит простора: и душно, и тесно, когда вспомню!» [2, с.38]. По тонкому замечанию Ю.П. Фесенко, описывая жесточайшие сражения, гибель и увечья тысячи людей, Даль укрупняет лишь одну человеческую черту и отводит портрету болгарки едва ли не целую страницу, примерно столько же, сколько и батальной картине знаменитой Кулевчинской битвы. «Человек обретает свое истинное предназначение в любви, а не в ненависти» [14, с.130].

В отличие от Пушкина и других авторов, описавших до него героев-болгар, В.И. Даль побывал в болгарских землях. В повести четко прослеживается его болгарский маршрут: Силистрия (Силистра), Каларат (Калафат?), Кулевчи (Кюлевча), переход через Балканы, Сливно (Сливен), Айдос (Айтос), Месемврия (Несебр), Ахиоль (Ахтопол), Бургас. Он увидел нашу страну глазами врача, военного человека, путешественника, бытописателя, лингвиста¹³, историка культуры¹⁴, молодого мужчины, способного оценить «пригожих, красиво одетых поселянок» [2, с.23], при виде которых русским воинам кажется, «что забрели в сказочное царство Добрады и Милолики» [2, с.24]. Отметим непредвзятость русского военного врача: убедившись воочию в сходстве пуля в подсумке болгарина с той, которую он же извлек из тела казака (факт, яростно отрицаемый болгаринами), он выдвигает версию, что во всеобщей рубке, прижатый к стене болгарин обезпамятел со страху и, сам того не замечая, выстрелил в казака. Также повествователь допускает, что и казак в тесноте и в жару боя не разглядел откуда прилетела пуля [2, с.31]. В других местах он высказывается непредвзято и даже уважительно о военном противнике – турках.

В своем рассказе Даль описал яркие, запоминающиеся картины из болгарского быта. Вот девушка, заткнув кудель за пояс, прыдет

¹³ Ср. «три гирла или рукава Дуная» [2, с.15].

¹⁴ По поводу решения убегающих вслед за русской армией болгар убить дряхлых стариков, чтобы те не были помехой в пути, Даль под линией отмечает: «Говорят, у древних славян это называлось: перелобанивать» [2, с.35].

пряжу на ходу. Ее красивенькое веретено, служащее ей копьём и ружьём, отличается особенной изящностью и вкусом в отделке [2, с.23]. Вот ее застенчивая подруга, перебирающая пальцами свои украшенные привесками и монетками каштановые косички [2, с.24]. Воти жильё болгарина – «устланный плитняком небольшой двор, <...> изба с широкими навесами, на прихотливо изузоренных резьбою столбиках, около которых обвивался виноград, <...> по каменной стене и по забору также вился сеткою виноград; <...> ключ журчал <...> протекая по высеченному в плитняке желобку через двор». Обнесенный высокой оградой дворик болгарского дома настолько идиличен, что автор невольно пожелал жить и умереть здесь [2, с.25-26]. Сам внешний вид болгарки-красавицы соответствует окружающим ее предметам [2, с.33].

Что поведал Даль своим читателям о болгарях? Первое его впечатление было благоприятным, в идиллическом духе русско-болгарской дружбы и славянского единения. После отхода турок болгары начали мало-помалу выглядывать из своих домов, встречать русскую армию хлебом и солью и выносить на продажу съестные припасы и напитки. Притихший было в испуге город ожил и превратился в шумный базар. «Необузданная радость обуяла мирных жителей, которые отроду не видывали еще неприятеля, судили о нем по образцу храброго турецкого воинства, и увидели вместо того обратский, крещеный народ, которого язык, созвучием с их родным языком, напоминал о родстве и о братстве!» [2, с.22]. Еще при первой встрече утвердилось чувство «обоюдной дружбы жителей и победителей». Сливняне сказали, что если русские не оставят за собой завоеванные места, то они с семьями и имуществом последуют за ними и сожгут свои дома [2, с.22-23].

Постепенно, однако, по ходу повествования, проступает весьма нелицеприятный образ местных жителей. Когда русские вступили в Сливен, они не тронули ничего из имущества жителей. Зато болгары, которые во время битвы отсиживались в своих домах, рассталили большую часть утвари и разного скраба в турецком стане [2, с.22].

Повествователь потрясены жестокой местью болгар, покидающих навсегда свой город, туркам. К тому же, сливняне действуют втихомолку и в одиночку. Хотя автор пытается объяснить их поведение обстоятельствами, его констатация беспощадна: «Здесь люди родятся не с такой кровью, как у нас; да и все, что их окружает, приучает зверскую их душу к чувству мести и самоуправства; слова, коих они в понятиях своих не умеют отделить и отличить от правды, справедливости: месть, самоуправство и справедливость – это у них однословы» [2, с.35].

Неизгладимо тягостное впечатление производит образ ослепленного кем-то ночью семидесятилетнего турка в поношенной чалме (т.е. не из богатых). С окровавленным лицом и выколотыми глазами онощупью пробирается вдоль стен, а на него сыплются удары нагайками мчавшихся мимо на конях полупьяных болгар [2, с.35-36]. Тем, кто знаком с трагическим многовековым противостоянием болгар и турок, понятно, что, возможно, и было за что мстить старику, но описание Даля внушает сочувствие к жертве. Дальнейшие события служат подтверждением мысли Ю. Фесенко, что вражда, навечно поселившаяся в душе человека, направляется не только против недругов, но неизбежно выплескивается и на близких [14, с.130].

В произведении Даля сливняне жестоки не только по отношению к своим давним врагам – туркам, но и к своим родным. Покидая родину вместе с русской армией, они еще на первом привале (т.е. не познав тяготы пути) принимают бесчеловечное решение – убить дряхлых и бесполезных стариков. Все увещания и доводы русского командования бесполезны. Действует только угроза, что убийцы будут расстреляны. Агрессия заменяется раболепием: болгары «низко поклонились и ушли» [2, с.36]. Жертвой такой ничем не оправданной агрессии со стороны близких людей становится и сама героиня.

Из повести можно узнать многое и о «балканском» периоде жизни самого Даля – маршрут, по которому он добирался в

действующую армию, тяжелые будни военного врача¹⁵, первыйчумной больной, медицинские рассуждения о природе чумы и о способах ее лечения. Очень интересен эпизод с «Фаустом», имевший место в балканских горах, которые ничуть не уступают швейцарским Альпам¹⁶. Весьма показателен и случай с пропажей вьючного верблюда Даля, которого не было 11 дней, а потом нашелся со всей поклажей [2, с.34]. Этой поклажей были те записки народных слов и выражений, которые Даль вел с 18-летнего возраста: «таким образом начало русского *Словаря* было избавлено от турецкого пленения» [10, с.20], а будущий лексикограф увидел в возвращении материаловперст провидения.

Повестью «Болгарка» русский писатель одним из первых среди своих современников обратил внимание на виктимизацию и обездоленное положение женщины «в разных видах, положениях и отношениях, в разнородных одеждах, из высших и низших сословий общества, из разных стран и земель» [2, с. 7-8]. Вместе с тем рельефные зарисовки быта болгар, знакомство непонаслышке с их нравами, обычаями и поведением, увлекательное повествование указывают на Даля как на родоначальника темы Болгарии и болгар в русской литературе.

Отсутствие этого произведения в добросовестных и подчас даже кропотливых исследованиях болгарских литературоведов вызывает

¹⁵ Ср.: «Да, я помню и вечно помнить буду, поколе искра жизни таится в мозгу моем, то впечатление, которое сделало на меня первое предсмертное молебствие и первая битва, которую я видел» [2, с.18-19].

¹⁶ Ср.: «Не могу я умолчать, что когда мы однажды втроем сели отдохнуть на осененной густоверхими деревьями сопке, и один из нас достал из кармана книжечку, сказав: «прочитаем страничку другую из этой царицы все писанных и печатных книжек; я уверен, что она впервые завезена на Балкан», то оба остальные достали из походных чемоданчиков своих ту же самую книгу, и все трое с изумлением глядели друг на друга. Это был немец Фауст *rauncertainGöthe*, как говорят французы» [2, с.20]. Из воспоминаний дочери Даля Екатерины становится ясным, что одним из участников этого коллективного чтения был А.Ф. Вельтман, будущий автор «Райны, королевны болгарской» [4, с.371].

недоумение. Возможно, причиной тому стал неприглядный групповой портрет болгар, написанный к тому же очевидцем. Впрочем, возможно, что замалчивание повести не было преднамеренным, а явилось результатом недостаточного знания творчества Казака Луганского. Впрочем, на данном этапе мы предпочитаем ограничиться предположениями.

Библиографический список

1. Википедия https://ru.wikipedia.org/wiki/Даль_Владимир_Иванович
2. Даль В.И. Два рассказа или Болгарка и Подолянка. Казака Луганского. // Московский наблюдатель, журнал энциклопедический. Год третий. Часть XIII. Москва. В типографии Н. Степанова. 1837.
3. Даль В.И. Сочинения В.И. Даля. Повести и рассказы. Том VIII. Санкт-Петербург; Москва: М.О. Вольф, [1883]-1884 (Санкт-Петербург).
4. Даль Е.В. Владимир Иванович Даль. По воспоминаниям его дочери. - В: В. И. Даль (Казак Луганский). Картины из русского быта: Картины из русского быта. Автобиографические записки. В.И. Даль в воспоминаниях современников. Сост., предисловие и примеч. Б. Романова. М.: Новый ключ. 2002, с. 334-381.
5. Завалишин Д. И. Заметки по поводу некрологов Владимира Ивановича Даля. – В: В.И. Даль (Казак Луганский). Картины из русского быта: Картины из русского быта. Автобиографические записки. В.И. Даль в воспоминаниях современников. Сост., предисловие и примеч. Б. Романова. М.: Новый ключ. 2002, с. 387-398
6. Илчева Р. Болгары и Болгария в русской романтической поэме первой трети XIX века. В: Болгария и Россия (XVIII-XX вв.): взаимопонимание. М., 2010, ISBN-10 5-757-0218-X; ISBN -13 987-5-7576-0218-9, с. 284-298.
7. Казмин В. Русский – это состояние души! - [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2016/11/29/russkij_eto_sostoyanie_dushi (Дата обращения: 23.10.2019).
8. Липовска А. Владимир Ивванович Даль (1801-1872). //Съпоставително езикознание. 1997. № 4. С. 129–137.
9. Матвиевская Г. П. Натуралист Владимир Даль - [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/DAHL.HTM#3> (Дата обращения: 30.07.2019).

10. Мельников П. И. Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк П.И. Мельникова (Андрея Печерского) – В: Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского). Первое посмертное полное издание, дополненное, сверенное и вновь просмотренное по рукописям. Издание товарищества М.О. Вольф СПб – Москва, 1897-1898, в 10 томах, т. 1, с. I–XC.
11. Полевой П. Н. Владимир Иванович Даль. Биографический очерк. – В: Сочинения В.И. Даля. Повести и рассказы. Том I. Санкт-Петербург; Москва: М. О. Вольф, [1883]-1884 (Санкт-Петербург), с. VII–XXXI.
12. Романов, Б. Поэзия Даля– В: В.И. Даль (Казак Луганский). Картины из русского быта: Картины из русского быта. Автобиографические записки. В.И. Даль в воспоминаниях современников. Сост., предисловие и примеч. Б. Романова. М.: Новый ключ. 2002, с. 3-18.
13. Фесенко Ю.П. Владимир Даль – это не цель, это вектор движения.[Электронный ресурс]. URL: <http://lug-info.com/comments/one/professor-yurii-fesenko-vladimir-dal-eto-ne-tsel-eto-vektor-dvizheniya-358>(Дата обращения: 16.08.2019).
14. Фесенко, Ю.П. Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. Луганск – Санкт-Петербург Альма матер 1999.

Благоев Благовест Асенов
ассистент
Великотырновский университет
имени Святых Кирилла и Мефодия
Болгария, г. Велико-Тырново
e-mail: b.blagoev@ts.uni-vt.bg

Blagoev Blagovest Asenov
Assistant Professor
St. Cyril and St Methodius University of
Veliko Tarnovo
Bulgaria, Veliko Tarnovo
e-mail: b.blagoev@ts.uni-vt.bg

Б. А. Благоев

ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ РИФМ ПАВЛА МАТЕВА: МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ

Аннотация. Данная статья является попыткой описать методику составления частотного словаря рифм Павла Матева. Цель такого словаря – установить посредством статистических методов особенности рифмы раннего и зрелого периода творчества поэта. Материалом для исследования послужил обширный массив из 2534 словоформ в рифменной позиции, эксцерпированных из 2847 стихотворных строк.

Ключевые слова: частотные и статистические методы, рифма, частотный словарь рифм

B.A. Blagoev

RHYME FREQUENCY DICTIONARY OF PAVEL MATEV'S POETRY: COMPOSITION METHODOLOGY

Abstract. This article is an attempt to describe the methodology used for compiling rhyme frequency dictionary of the Pavel Matev's poetry. The purpose of this dictionary is for the specifics in rhyming in Pavel Matev's early and mature poetry to be determined by statistical methods. The material for the study is based on an extensive array of 2534 words in a rhyme position, excerpted from 2847 verse lines.

Keywords: frequency and statistical methods, rhyme, rhyme frequency dictionary

В плотном болгарском литературном пространстве второй половины XX в. отчетливо выступает творческая индивидуальность поэта Павла Матева. За время своего 60-летнего «похода» в словесное искусство – начиная с короткого сборника «В строю» («В строя», 1951) и заканчивая поэтической книгой «В климате времени» («В климата на времето», 2006) – он обогатил болгарский поэтический фонд более чем 1300 произведениями, нашедшими место в изданных

при его жизни более 40 поэтических сборниках. Условия, в которых проходило творческое развитие поэта, были очень динамичными: на одном полюсе находились быстро сформировавшиеся, но плодотворные традиции реализма, символизма и экспрессионизма в болгарской литературе, а на другом – нормативная унифицирующая эстетика социалистического реализма. Между велениями пафосного времени, догматическими границами и восторгом от кодифицирующей роли долга и идейной верности, через поэтические заветы Х. Ботева, П.К. Яворова, Д. Дебелянова, Н. Лилиева, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М.И. Цветаевой, А.А. Ахматовой... и сигналы все более углубляющегося мироощущения беспокойный талант поэта пережил те обновляющие метаморфозы по пути к красоте и раскрытию смысла Бытия, посредством которых приобрел свое прочное место на литературном небосклоне.

Ясным знаком характеристичного «лирического присутствия» Павла Матева является тот факт, что на протяжении второй половины XX в. исследователи болгарской литературы неуклонно наблюдали за творческим развитием поэта. Библиография, посвященная поэтическому наследию Павла Матева, насчитывает, по нашим данным, более 300 заглавий – это статьи в периодических изданиях и сборниках, предисловия, рецензии, монографии и разделы книг. В ряде трудов в полемическом ключе выявляются и анализируются периоды творческого развития поэта (П. Данчев, П. Зарев, И. Матев, И. Сарандев, С. Хаджикосев, П. Тонков и т.д.), в других освещаются социокультурные основы его лирики и ее содержательные пласты (Н. Василев, П. Данчев, Ч. Добрев, П. Зарев, Э. Каранфилов, С. Коларов, Д. Колева, Э. Петров, З. Петров, И. Попиванов, С. Цонев, З. Шатковский, В. Щербаков и т.д.), а также анализируются ее формальные особенности (С. Аврамов, Б. Брайнина, В. Георгиева, П. Зарев, Л. Любенев, А. Дишев, К. Еленков, С. Илиев, Б. Нонев, Д. Колева, З. Петров, С. Хаджикосев, Х. Стефанов и т.д.). Несмотря на существенное количество аналитических текстов, на наш взгляд, и по сей день отсутствует исчерпывающее описание поэтического наследия Павла Матева. Причина этому отчасти заключается в том,

что критическая рецепция автора осуществлялась, в основном, оперативной критикой, включающей отзывы и рецензии на его отдельные поэтические сборники, в результате чего целостное развитие его поэтического таланта описано не было (исключение составляют монография Д. Колевой «Лирика Павла Матева» (2001) и в меньшей степени очерки «Неоскорбленные миры поэта» (1972) П. Зарева, «Единый в своих преобразованиях» (1973) П. Данчева, «Павел Матев: творческая диалектика» (1981) П. Тонкова, поскольку в данных работах рассматриваются конкретные этапы творческого развития поэта в суженных хронологических рамках). С другой стороны, только в наши дни, когда Павла Матева нет в живых, можно составить полный корпус его художественного наследия. Можно утверждать, что задача по составлению такого полного (цифрового) корпуса мы уже решили. К настоящему моменту наша база данных состоит из 1354 заглавий, причем к ней скоро будут добавлены произведения, вошедшие в недавно изданный сборник неопубликованных при жизни поэта стихов.

Настоящая работа является попыткой описать методику составления частотного словаря рифм Павла Матева как необходимый этап на подступах к изучению формальных и лингвостилистических особенностей его поэзии. Объектом нашего исследования стало употребление рифм в избранных произведениях раннего и зрелого периода поэта, начиная с поэтического сборника «Дълг» (1955) и заканчивая книгой «В часа, когато сенките се раждат» (1987). Отбор произведений для анализа мотивирован стремлением охватить более продолжительный период творчества с тем, чтобы добиться большей объективности результатов, т.к. эти результаты мы намерены использовать в дальнейшем при сопоставлении оригиналов и их переводов на русский язык. По этой причине в поле нашего зрения попадают прежде всего стихотворения, которые переводились на русский язык. Материалом для исследования послужили 2534 словоформы, употребленные в рифменной позиции. Эти словоформы были эксцерпированы из 120 стихотворений (около 9-10 % всего лирического наследия поэта), состоящих из 2847 строк.

Оптимальной отправной точкой наблюдений над рифмой Павла Матева мы считаем составление частотного словаря словоформ в рифменной позиции, употребленных в отобранных нами поэтических текстах. Такой словарь позволил бы получить количественное представление о рифмах в поэзии автора и послужил бы основой для их более полной качественной оценки. Под рифмой вслед за Т. Беровым мы понимаем «созвучие последних слогов двух или более слов в конце, начале или середине стиха; повтор схожих в большей или меньшей мере сочетаний звуков в конце стихов или повтор их симметрично расположенных частей. Основным признаком рифмы в силлабо-тоническом стихосложении является совпадение ударных гласных» [1, с. 286-287]. Сразу следует оговорить то, что анализируемый здесь корпус рифм состоит только из конечных рифм, за его пределами остаются начальные, внутренние и двойные рифмы ввиду их статистической недостаточности.

Составление частотного словаря рифм проходит через несколько этапов, а именно:

1) эксцерпция рифмующихся пар словоформ и одновременное включение их в электронную картотеку, напр.: *сигнали – медали, двуколка – болка*;

2) индексирование рифмующихся пар – к каждой словоформе, употребленной в рифменной позиции, «приклеивается» слитно написанный буквенный индекс, отсылающий к стихотворению, из которого она эксцерпирована, а также к сборнику, где стихотворение было опубликовано впервые. Составление индексов базируется на принципе сокращенной записи при последовательном переводе, согласно которому большей информативностью характеризуются согласные звуки. После индексирования указанные выше пары выглядят следующим образом: *сигнали ЗВЩНЕКП – медали ЗВЩНЕКП, двуколка НЕДКСНТВП – болка НЕДКСНТВП*. Данные индексы следует расшифровать следующим образом: *ЗВЩНЕКП* – это стихотворение «Завещание», впервые опубликованное в сборнике «Когато птиците летят по-бавно» (1979); *НЕДКСНТВП* – это стихотворение «Недокоснат и слънчев...», впервые опубликованное в

сборнике «Внезапни паузи» (1976). Добавление информации о сборнике становится особенно необходимым, когда заглавия разных стихотворений совпадают, напр.: *МЛТВАКП* – это стихотворение «Молитва», впервые опубликованное в сборнике «Когато птиците летят по-бавно» (1979), *МЛТВАПН* – это стихотворение «Молитва», впервые опубликованное в книге «Повикан от щастливи бездни» (1981). Короткие заглавия вписываются в индекс полностью. Индексы заглавий, состоящих из словосочетаний или предложений, включают первое слово либо первых два слова в зависимости от их длины.

Наличие 120 разных индексов предполагает и разработка дополнительного каталога, где они расшифровываются и располагаются сначала в хронологическом порядке, начиная с ранних стихотворений в зависимости от года издания сборника, где они впервые были опубликованы. Индексы стихотворений из одного и того же сборника располагаются по алфавиту.

3) обработка индексированного массива с помощью электронного инструмента для автоматического подсчета словоформ – так как на данный момент мы не располагаем собственным программным обеспечением для решения этой задачи, мы вынуждены пользоваться уже существующими программами сходной функциональности. В данном случае речь идет о находящейся в свободном доступе программе *BX Language acquisition*, которая была разработана как подсобный инструмент в обучении иностранному языку, и которая имеет своей целью быстрое и прочное усвоение учащимися часто употребляемых слов. В этой связи создание частотных словарей – это только часть намного более широкой функциональности программы¹. Создание частотного словаря требует выполнения нескольких простых шагов: индексированный массив нужно скопировать в рабочее поле программы, после чего следует нажать на кнопку *Создать частотный словарь*. На экране появляется

¹ Более подробно о программе, словарях к ней и инсталляторов см.: <http://bxmemo.com/>

диалоговое окно, посредством которого созданный частотный словарь можно сохранить на жесткий диск компьютера. Непосредственно после сохранения программа автоматически сортирует словоформы в нисходящем порядке (начиная с самых частотных) и по алфавиту в рамках каждого частотного интервала, причем в столбике «пример» видно число их ранговой частоты (см. рисунок ниже):

The screenshot shows the 'BX Language acquisition' window with a table of words and their frequencies. The table has columns for 'Слово', 'транскрипция', 'Перевод', 'пример', 'перевод примера', and 'кат'. The 'пример' column contains numbers representing the rank of each word.

Слово	транскрипция	Перевод	пример	перевод примера	кат
списНДТОСЗ			(5)		
водаПРИРЕКАНМ			(4)		
думиНЧЛОРСВ			(4)		
снягНЕДКСНТВП			(4)		
бялоПРДСЩМВЧ			(3)		
бяхаПОЧТИКП			(3)		
крушаПЪТНЧТ			(3)		
мамоПМОДГ			(3)		
пътМЕМРМКП			(3)		
тиОБСНИЕКП			(3)		
бавноПРЛДЯКП			(2)		
болиОКЧЦНС			(2)		
БългарияНЧЛОРСВ			(2)		

Below the table, there are settings for 'Вариант' (Mosaic, Writing, Exercises), 'Словарь' (Load, Replace, New words, Examples), and 'Текст' (Translation, Transcription, Example, Variant scores, Mosaic scores, Order, Writing scores, Category).

(Рис. 1. Рабочее поле программы BX Language acquisition)

BX Language acquisition сохраняет частотный словарь в своем формате *bxz, однако файл можно экспортировать в MS Excel, чтобы продолжить его обработку.

4) алгоритм BX Language acquisition распознает как отдельные словоформы ряды буквенных знаков, разделенные пробелами, затем отождествляет полные совпадения знаков и подсчитывает их ранговую частоту. Из этого следует, что программа неспособна объединять словоформы в лексемы и снимать омонимию, т.е. словоформы *мечта* и *мечты* она считает отдельными единицами с

соответствующей частотой. Таким же образом программа обрабатывает омонимы и омоформы. Это создает предпосылки для искажения статистических данных. Так, например, ранговая частота *син* равняется 2, в корпусе рифм словоформа действительно встречается два раза, однако справка с текстами показывает, что речь идет о двух омонимах, частоту которых следует рассматривать отдельно:

син 1 [2, с. 883]

*Едва ли... Ала ще успея, мамо!
Как няма да успее оня син,
пред който като неплатен огромен
данък
лежат продадените майчини коси!*

Из стихотворения «Писмо до мама»,
сб. «Дълг» (1955)

син 2 [2, с. 883]

*По мене влюбени жени
ще завървят.
Ще виждат в мен зелен и
син,
и тих
светът.*

Из стихотворения «Трева»,
сб. «Натрупани мълчания»
(1973)

К описанным таким образом особенностям программы нужно добавить и то, что, как уже было сказано выше, каждой словоформе, использованной в конечной рифме, мы присвоили уникальный индекс в зависимости от стихотворения, в котором она встречается. По этой причине программа может учесть повторы словоформ только тогда, когда они использованы в одном и том же стихотворении, как, например, *стиСНДТОСЗ* (стихотворение «Сънят на детето» из сборника «Сърдечни затишия», 1985), частота которой равняется 5 (см. Рис. 1 выше). В остальных случаях программа «принимает» многократно использованные словоформы за разные словоформы именно из-за нетождественности индексов, напр. словоформа *звезди* фигурирует в первичном варианте словаря в виде 15 отдельных словоформ. Этого усложнения не было бы, если бы мы не

индексировали словоформы. С другой стороны, однако, без индексирования было бы очень трудно определить, в каком стихотворении они использованы, а также отследить их «судьбу» в массиве, что очень важно для описания многообразия рифм Павла Матева.

Из всего сказанного выше следует, что после первичной автоматической обработки корпуса рифм нужно решить следующие проблемы, чтобы получить объективные данные:

а) открыть и снять омонимию отдельных словоформ, а также уточнить их частоту;

б) объединить совпадающие словоформы, которые отличаются всего лишь буквенным индексом, а затем суммировать их частотные значения.

За пределами нашего внимания остается другое следствие работы алгоритма BX Language acquisition, а именно вопрос о группировании отдельных совпадающих словоформ в лексемы. На наш взгляд, такое группирование не соответствует целям работы, так как именно употребление разных словоформ одной и той же лексемы в рифменной позиции является маркером индивидуального стиля Павла Матева и указывает на то, как автор расширяет ресурсы рифм болгарского языка.

Разрешение указанных проблем связано с тщательной ручной проверкой словоформ первичного частотного словаря. В процессе проверки нами было обнаружено всего 8 случаев омонимии и сходных с ней явлений. Кроме рассмотренного выше примера омонимы присутствуют и в следующих отрывках:

завия 1 [2, с. 237]

завия 2 [2, с. 237]

*Тревите се сближават и се
сгушват.*

*Зелен килим студена пръст
зави.*

*Така растяхме – смели и
корави,*

*немити и със пукнати
глави...*

*Врабчетата дойдоха, за да сушат
под стряхата измокрени глави.*

*Кога, къде, защо ни ти
остави
и в кой завой внезапно ти
зави!*

Из стихотворения
«Настроение»,
сб. «Когато птиците летят
по-бавно» (1979)

Из стихотворения «Детство»,
сб. «Време, Родина, Любовь»
(1962)

кръст 1 [3, с. 292]

кръст 2 [3, с. 295]

*И днеска
твоите идеали
са мъртви,
или пък заспали
в ужасен гроб.*

*А ти в хорото – пъргава,
чевръста –
отмеряи стъпки, в свян
навеждаш взор.*

*И с хладни пръсти
за този гроб издяла **кръста**
той...*

*А плитките ти – две змии до
кръста –
пленили младоженческия
двор.*

Из стихотворения
«Признателност»,
сб. «Родословие» (1963)

Из стихотворения «Писмо до
мама»,
сб. «Дълг» (1955)

В окончательном варианте частотного словаря ранговая частота словоформ такого типа не суммируется, и они рассматриваются как отдельные единицы, так как являются словоформами разных лексем. Такой подход мы применяем и по отношению к омоформам:

*опазѝ – гл., 2. л., ед. ч., повел. ще опàзи – гл., 3. л., ед. ч., буд. вр.
накл.*

И падаха над мене водопадно

*И да забравиш стари рани,
да върнеш своите сълзи
и в действия от нови драми
да кажеш: „Боже, **опази!**”...*

Из стихотворения «Избавление»,
сб. «Когато птиците летят по-
бавно» (1979)

прѝсти – прил. имя, мн. ч.

*Аз не съм красавец.
Аз съм грозен.
Моите родители са **прѝсти**.
Аз дойдох по селски коловози
като бос езически апостол.*

Из стихотворения «Моето
обяснение в любов»,
сб. «Родословие» (1963)

*ту жестове, ту обич, ту
омраза.*

*Родината ми е изповедалня,
която чувствата ми **ще опази**.*

Из стихотворения «Цветята се
повтарят всяка пролет...»,
сб. «Неоскърбени светове»
(1969)

*не ще прѝсти – гл., 3. л., ед. ч.,
буд. вр.*

*Идва лятото – зло и излишно.
То гори. Не ще ѝ **прѝсти**...
Равнодушна е вече вишната.
И спокойна.
Както ти.*

Из стихотворения «Обяснение»,
сб. «Когато птиците летят по-
бавно» (1979)

Такое решение мотивируется не только различным грамматическим значением выделенных словоформ, но и специфическими акцентными моделями, которые они репрезентируют. Последняя особенность напрямую связана с рифмовкой и может быть предпосылкой возникновения уникальных комбинаций рифм (ср. примеры), что не ставит под сомнение правомерность их присутствия в частотном словаре в качестве отдельных единиц.

После вторичной ручной обработки составленный частотный словарь превращается в источник объективной информации о рифмах в поэзии Павла Матева. Ввиду его большого объема здесь мы

представим только его начальные страницы, которые сами по себе достаточно ясно иллюстрируют многообразие рифм исследуемого автора:

слово-форма в рифменной позиции	частота	форма в рифменной позиции	частота	форма в рифменной позиции	частота	форма в рифменной позиции	частота	форма в рифменной позиции	частота
път	23	слова	8	щастие	6	бяло	4	може би	4
мен	16	сняг	8	беди	5	бяха	4	мълчи	4
звезди	15	боли	7	болка	5	ветровете	4	небето	4
дни	13	време	7	глас	5	вина	4	нивя	4
мене	13	есента	7	гнезда	5	власт	4	огън	4
очи	13	жена	7	деца	5	глава	4	още	4
вода	12	нас	7	дъждове	5	глави	4	пак	4
ден	12	свят	7	красота	5	гори	4	песента	4
любов	12	следа	7	лято	5	дом	4	печал	4
тишина	12	следи	7	Марица	5	думи	4	поети	4
листа	10	трев	7	остава	5	дъжд	4	полето	4
грях	9	аз	6	пръст	5	жени	4	пролет	4
звезда	9	знак	6	птици	5	земя	4	рай	4
ветрове	8	име	6	сам	5	земята	4	рани	4
душа	8	копнеж	6	синева	5	зима	4	родина	4
зов	8	света	6	спи	5	изкуство	4	ръка	4
любовта	8	смях	6	сърца	5	има	4	самота	4
мрак	8	стих	6	ти	5	камбани	4	слава	4
песни	8	сърце	6	тих	5	коси	4	спомен	4
светлина	8	чувства	6	час	5	крила	4	страсти	4

Анализ полученных цифровых данных дает очень полезную информацию о богатстве рифмы в поэзии Павла Матева. Этот анализ

может включать следующие параметры: установление доли однократно употребленных в рифменной позиции словоформ от общего количества словоформ в корпусе, установление доли многократно употребленных в рифменной позиции словоформ от общего количества употребленных словоформ в корпусе, установление доли однократно и многократно употребленных в рифменной позиции уникальных словоформ от общего количества уникальных словоформ в корпусе. Не менее интересен вопрос о частотности комбинаций (пар), в которые отдельные словоформы вступают, а также вопрос о морфологической принадлежности рифмующихся словоформ, что, однако, является предметом дальнейших наблюдений.

Библиографический список

1. Беров Т. Речник на литературните термини. – Варна: Зограф, 2000. – 415 с.
2. Български тълковен речник. – София: Наука и изкуство, 2008. – 1094 с. (БТР).
3. Речник на българския език. Т. 8. – София: Изд-во на БАН, 1995. – 864 с. (РБЕ).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Сыромля Наталья Николаевна
кандидат филологических наук
доцент
Киевский национальный университет
технологий и дизайна
Украина, г.Киев
e-mail:siromlya.nata@gmail.com

SyromlyaNataliiaNikolajevna
Associate professor, PhD
Kiev National University of
technologies and design
Ukraine, Kiev
e-mail: siromlya.nata@gmail.com

Н. Н. Сыромля
**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЙ СИМВОЛА
«ОГОНЬ» В ПОЭЗИИ А. БЛОКА**

Аннотация. В статье анализируется лингвокультурологическое наполнение символа-первоэлемента «Огонь» в поэзии А.Блока: определены механизмы, позволяющие, с одной стороны, эксплицировать традиционные и, с другой стороны, породить авторские символические значения стихии – взаимодействие мифологем и архетипов, выявленных в ближайшем окружении лексемы-экспликатора символа.

Ключевые слова: лингвокультурология, символ, русский символизм, А.Блок, стихия Огонь.

N. N. Syromlya
**LINGUISTIC ANALYSIS OF THE SYMBOL «FIRE» IN
A.BLOK'S POETRY**

Abstract. The article deals with the analysis of symbolic meanings of one of the most important elements - Fire in the lyrics of A.Blok. Linguocultural potential of the symbol is studied, linguistic mechanisms which help to express both traditional meanings of the symbol and new authors' ones are defined. Mythologems and archetypes are analysed as a part of a symbol's structure.

Key words: linguoculturology, symbol, Russian symbolism, A.Blok, the element Fire.

В рамках антропоцентризма принято разграничивать научную – донаучную («наивную») – фольклорную (мифологическую) – языковую, концептуальную картины мира [4, с. 9]. Согласно нашим исследованиям в основе символа лежит концепт, взаимодействующий

с мифологемой и архетипом.

Многоплановость толкований символа «Огонь» в лирике А. Блока обусловлена особенностью его поэтики, которую исследователи называют одним из важнейших открытий символизма – поэтикой сочетаний вещного, конкретно-бытового с бесконечным, «звездным» [5, с. 169]. Языковым аналогом или вариантом воплощения этого принципа является экспликация прямых, переносных, ассоциативно обусловленных и образных значений лексемы, взаимодействие и столкновение которых способствует авторскому наполнению лингвистического символа.

Проанализируем лингвокультурологическое наполнение символа Огонь в поэтических текстах А. Блока, которое дополнит наши представления о человеке как носителе стихий.

Лингвистический символ «Огонь» имеет полевую структуру, в которой выделяем ядро и периферию. В нашем исследовании к ядру относим концепт «огонь», в рамках которого анализируем словарные значения лексемы и ее дериватов, его ассоциативно-образный уровень; периферию составляют экспликации взаимодействия концепта с мифологемами и архетипами.

Остановимся подробнее на структурных элементах лингвистического символа «Огонь» в символистском поэтическом дискурсе А. Блока.

Мифологический слой периферии лингвистического символа «Огонь» в лирике А. Блока актуализирован мифологемами *бог, душа, Иван Купала, Купина, столп*.

Бог в первоначальном значении – удача, доля, счастье, а также «светить», «сиять» [9, с. 177]. По М. М. Маковскому, слова со значением «бог, божество» могут соотноситься с понятиями числа, середины, судьбы, Мирового Разума, со значениями «словом» и «говорить», звуком. В строфе «*Мы все простим и не нарушим Покоя девственниц весны, Огонь божественный потушим, Прогоним ласковые сны*» [2, т.1, с. 172] мифологема *бог* соотносится с сакральным животворящим (фаллическим) началом как первоисточником вселенского творения [7, с. 46–49].

У А. Блока мифологема *душа* выявлена в периферии лингвистического символа «Огонь» в строке: «*Ты, душа, порожденье огня, В наступающем мраке воскресни*» [2, т.1, с. 470], что выражает идею «родства» души и огня. Подтверждением такому толкованию служат результаты исследования М. М. Маковского: «значение «душа» часто соотносится со значением «огонь, божественный огонь»: типологически ср. русск. *дух*, но и и.-е. *dheg* – «гореть». [7, с. 145]. Взаимодействие мифологемы *душа* и концепта «огонь», таким образом, способствует актуализации значений **жизни** и **смерти**, **метаморфозы** (душа ассоциируется с воскресающей из пепла птицей Феникс), **связи невидимого мира** (душа) и **видимого** (стихия огня).

Третья мифологема славянского происхождения *Иван Купала* в строках: «*Ты будешь за травую темной Искать купальские огни*» [2, т.2, с. 96] эксплицирует идею **очищения**, **взаимодействия стихий огня и воды**; огонь купальских костров называли «святым», «живым», ему придавался охранительный и очистительный смысл, все сжигаемое в таком костре символизировало уничтожаемое зло [Славянские древности т.2, с. 366–367]. Название праздника и обряды указывают на связь с огнем и водой, которые в купальских мифах выступают как брат и сестра [9, с. 29].

М. И. Костомаров пишет, что Купало – одна из номинаций божества и значит совокупляющий, как Ярило – возбуждающий к любви: «Купало (или Иван) купался, накупался, да упал в воду», что означает брак солнца с водою, из которого образовалась полная жизнь и любовь в творении [6, с. 246]. Следовательно, данная мифологема также восстанавливает значение **любви** в лингвистическом символе «Огонь» и **творчества** при взаимодействии стихий.

Мифологема *Купина* является в авторской интерпретации именем собственным, в мифологических словарях неопалимая купина – «куст, не сжигаемый огнем ... в котором бог Яхве явился Моисею» [10, с. 210]. В контексте данная мифологема соотносит стихию огня со **страданием** (терновый венец) и **божественной энергией**, которая очищает и просветляет (белый цвет пламени – символ чистоты): «*Терны венчают смиренных и мудрых Белым огнем Купины*» [2, т.1, с.

60].

Мифологема *огнистый столп*, в свою очередь, восстанавливает библейскую ситуацию исхода евреев из Египта, когда Бог в виде огненного столпа указал им путь: «*Передо мною шел огнистый столп*» [2, т.1, с. 155]. Обращение к данной мифологеме актуализирует «визионерски-апокалиптический аспект» «небесного огня» и интегрируется в световую символику [12, с. 276].

Проанализировав значения библейских мифологем *Купина* и *огнистый столп*, считаем, что в лирике А. Блока стихия огня наделяется свойствами, призванными показать человеку в материально выраженной, видимой форме присутствие в мире божественных сил и их воли. Таким образом, лингвистический символ «Огонь» актуализирует значение **субститут Бога на земле, очищающая сила.**

Прокомментированные выше мифологемы позволяют выделить следующие архетипические противопоставления, относящиеся к периферии лингвистического символа «Огонь» в лирике А. Блока:

1) **огонь – влага** (экспликация семы «влага») – «*Расступалось огненное море*» [2, т.1, с. 137]; 2) **жизнь – смерть**: «*Вещают жизни строй и вечности огни*» [2, т.1, с. 110], «*Из-за могил и склепов, где огни*» [2, т.2, с. 299] – экспликация семы «смерть»; 3) **день – ночь**: «*В белый день забываю огни, По ночам забываю дни*» [2, т.3, с. 69]. Анализ контекстов, содержащих данный архетип, показывает создание авторской оппозиции, каждый член которой наделяется символическим смыслом: день – «дела суеты», ночь/вечер – время творчества, вдохновения, «огней»; 4) **небо – земля**: «*Пустыней неба огневой*» [2, т.3, с. 60–61], «*В этом огненном смерче обняла она крепче Пыльно-грязной земли раскаленную печь*» [2, т.2, с. 168]; 5) **светлый – темный**: «*И падают светлые мысли, Сожженные темным огнем*» [2, т.3, с. 252], разновидность архетипа – противопоставление **белый – черный**: «*За море Черное, за море Белое В черные ночи и в белые дни Дико глядится лицо онемелое Очи татарские мечут огни*» [2, т.3, с. 259]; 6) **весна – зима**: «*Иду за огненной весной*» [2, т.2, с. 115], «*огонь зимы палаящей*» [2, т.2, с. 226]; 7) **верх – низ**: «*Мои огни горят на высях*»

зор» [2, т.1, с. 68] – наблюдается отсутствие экспликации второго члена оппозиции, что свидетельствует о соотнесенности стихии огня с идеей вертикали, направленной вверх.

При анализе архетипического слоя выявлены переосмысления бинарных оппозиций:

1) **мужской – женский** (экспликация сем): «*ваши девы слепы, У юношей безогнен взор*» [2, т.2, с. 169]: наблюдается отсутствие значения традиционной «положительности» первого члена оппозиции; соотнесение женского начала со стихией огня (традиционно активного мужского начала) наблюдаем в строках: «*Я знаю женщину. В ее душе Был сноп огня*» [2, т.2, с. 334]. Мифологема *душа* реализует в контексте значение вместилища свойств стихии огня и обуславливает переосмысление архетипа.

Кроме того, нами выявлено переосмысление традиционно отрицательного второго члена оппозиции: четко прочитывается смещение по шкале «благоприятное – неблагоприятное» в сторону «положительных» коннотаций: «*Кто ты, Женственное Имя В нимбе красного огня...*» [2, т.2, с. 48], «*Крести крещеньем огневым, О, милая моя!*» [2, т.2, с. 273];

2) **старший – младший** (экспликация сем): «*За окном, как тогда, огоньки, Милый друг, мы с тобой старики*» [2, т.3, с. 282], «*И для меня, слепого, где-то блещет Святой огонь и младости восход*» [2, т.1, с. 18], «Сказочник добрый и старый Тихо сидел у огня» [2, т.3, с. 288], «*Молодое – Оно прошло, - я не найду В твоём усталом, но зовущем, Ненужном призраке – огня*» [2, т.1, с. 72]. Контекстуальная экспликация архетипического противопоставления позволяет интерпретировать второй член оппозиции «младший» как положительный, «молодое» соотносится с огнем наравне со «стариком».

Таким образом, периферия лингвистического символа «Огонь» в поэзии А. Блока представлена пятью мифологемами, три из которых – славянского происхождения, и десятью архетипическими оппозициями, среди которых две подвержены авторскому переосмыслению.

Ядро символа представлено концептом «огонь», включающим ассоциативный и образный слои.

Авторские ассоциативные связи, эксплицированные атрибутивными конструкциями с лексемой *огонь* [8], реализуют семантику: **анимитичность**: *живой, верный, одинокий, умерший*; **исключительность**: *небывалый, неведомый, невозможный*; **свет/отсутствие света**: *неугасимый, светлый, темный*; **сакральность**: *божественный, потаенный, святой*; **мифомир славянской мифологии**: *блудящий, купальский*; **природные явления**: *снеговой, снежный, холодный*; **чувства и эмоции**: *сердечный, страшный*; **антропоморфность**: *смуглый*; **атрибут православной службы**: *кадильный*; **взаимодействие стихий** (огонь, вода, земля): *болотный, прибрежный*; **временные характеристики**: *старый, вечерний*; **расположение в пространстве**: *попутный*; **амбивалентность (созидающая сила, разрушающая сила)**: *мирный, злоеущий*; **восприятие**: *докучный*; **категория веса**: *тяжелый*; **цвет**: *белый, зеленый, золотой, красный, синий, желтый* (отмечая особенности авторской орфографии, оговорим, что в понятие «желтый» А. Блок вкладывал особый идейно-психологический смысл, это «как синоним душевной сытости, мещанского самодовольства, всяческого хамства... в отличие от слова «жёлтый» служившего просто обозначением цвета» [2, т.1, с. 567]).

Перейдем к анализу образного уровня лингвистического символа, выраженного переносными значениями лексемы *огонь*.

С. Б. Бураго пишет, что «огонь», «горение» «в поэтическом словоупотреблении Блока – символы душевного движения лирического героя» [3, с. 20], что соотносимо с традиционными значениями символа «Огонь».

Соотнесенность стихии огня с **глазами**, выявленная нами на уровне ассоциаций, подтверждается и образными значениями, создаваемыми в пределах словосочетаний и предложений: «*И глаза под навесом бровей Огоньками болотными дремлют*» [2, т.2, с. 32].

В ходе анализа нами выявлены два случая экспликации переносного значения лексемы *огонь* в форме множественного числа,

что не фиксируется толковыми словарями и является отклонением от нормы: значения **чувства, переживания** - «Я сам в себе с избытком заключаю Все те огни, какими ты горишь» [2, т.1, с. 88] и **глаза** - «Огни зловещие мигали, И взор описывал дугу» [2, т.1, с. 227].

Именная парадигма образа способствует выражению в лирике А. Блока символических значений стихии огня: **воспоминание**: «И в темной памяти не трогай Иного – страшного – огня» [2, т.2, с. 245], **душа**: «Ты, душа, порожденье огня» [2, т.1, с. 470], **закат**: «На закате поднимался занавес вечерний, Открывалось действие огня» (2, т.2, с. 43).

Глагольная парадигма образа представлена реализацией 1) позиции агенса: **свет** - *блестеть, гореть, теплиться, погаснуть, потухнуть*; **анимо-аниматичность** – *глянуть, умереть*; **тепло** – *согреть*; **покров** – *окутать*; **разрушение** – *сжечь*; **цветок** – *зацвести*; **внутренний мир человека** - (в себе) *заключать*; 2) позиции пациенса: **чувства, переживания** - *беречь, догорать, дышать, жить, отстраняться, пламенеть, погаснуть, развести, трогать, хранить*; **вдохновение** - *гореть, забывать, зажигать*; **атрибут мифомира христианства, божественных существей** – *потушить, слететь (в огне)*; **источник жара** - *истлевать*; **глаза** – *метать*; **знак** – *искать (огней попутных)*; **пророческий дар** – *верить*.

Местоименные сочетания актуализируют образные значения: **жизнь** – «Потом сомкнулась полынья – Его огонь погас» [2, т.1, с. 209], **символистское окружение** – «Из стран чужих, из стран далеких В наш огонь вступивши снеговой, В кругу безумных, томнооких Ты золотую встал главой» [2, т.3, с. 141].

В образе лирического героя А. Блока, по мнению Л. А. Колобаевой, выражается такое состояние человека, когда он в свой редкий час предчувствий становится способным пережить опыт видений, внутренним взором увидеть то, что не видят другие [5, с. 159]. Подобные переживания описываются в лирике поэта с помощью лексемы *огонь*, наполняя символику стихии соотнесенностью с **поэтическим даром**: «мои потаенные, мои золотые огни» [2, т.1, с. 96], «Мои огни горят на высях гор – Всю область ночи озарили» [2,

т.1, с. 68], даром предвидения: «Кто запер свободных и сильных в тюрьму, Кто долго не верил огню моему» [2, т.2, с. 102].

Грамматические модели номинативной сочетаемости слова *огонь* образуют группы с семантикой: $N_{N1}N_{N2}$ – **созидающая сила**: порожденье огня, действие огня; **время года**: огонь зимы; **взаимодействие стихий**: вихрь огня; **чувства и воображение**: огонь желанья, огни любви, игра огня, сноп огня; **защита и нападение**: жала огня; **оружие**: метанье огня; **свет**: закат из огня; **страсть**: огонь возжелений; **свет**: огонь лампад; $N_{N1}N_{N5}$ – **воображение**: огонь мечтой; **глаза**: глаза огоньками; $N_{N1}N_{N6}$ – **визионерское переживание**: горизонт в огне; **чувства**: губы в огне; $N_{N2}N_{N1}$ – **бессмертие**: из огня душа; **визионерское переживание**: молний огни; **поэзия**: рифм огоньки; **бессмертие**: вечности огни; $N_{N2}N_{N5}$ – **поэзия**: поэзии огнем; $N_{N5}N_{N1}$ – **смерть**: над топью огонь; $N_{N5}N_{N2}$ – **воображение**: огнем мечты; **глаза**: огнем глаз; **праздник**: огнем новоселий; **мифомир славянской мифологии**: огнем Купины; **чувства**: огнями любви; $N_{N6}N_{N1}$ – **взаимодействие стихий (о чувствах)**: в земле огонь; $N_{N6}N_{N2}$ – **ментальный мир человека**: в памяти огня, в предвестии огня, в огне зари.

Наиболее продуктивна модель $N_{N1}N_{N2}$ (9 значений, 13 объективаций), активно реализована связь стихии огня с **чувствами, глазами, поэзией, воображением**.

Развернутые метафорические описания выражают соотнесенность огня с **христианскимирелигиозными традициями**: «Огонечки теплятся, Прохожие крестятся, И пахнет весной. Ветерок удаленький, Дождик, дождик маленький, Не задуй огня» [СС8–2, с. 95], **солнечным светом**: «Разметались в тучах пятна, Заломились руки Дня. Бездыханный, необъятный Истлевет без огня» [2, т.2, с. 60].

Например, в следующих строках возможна интерпретация символа «Огонь» как **поэтического творчества**: «Стою на царственном пути. Глухая ночь, кругом огни, – Неясно теплятся они, А к утру надо все найти» [2, т.1, с. 118], **внутреннего мира человека**: «Я сам в себе с избытком заключаю Все те огни, какими ты горшишь»

[2, т.1, с. 88], **надежды**: «Напрасный миг, проплывший мимо... Огонь зеленый на заре» [2, т.3, с. 180], **страсти**: «Опять – бессильно и напрасно – Ты отстранялась от огня ... Но даже небо было страстно, И небо было за меня» [2, т.2, с. 293], **женской ипостаси божественного проявления**: «Закатная, Таинственная Дева, И завтра и вчера огнем соедини» [СС8–1, с. 110], **силы духа**: «Все, духом сильные, – одни Толпы нестройной убегают, Одни на холмах жгут огни, Завесы мрака разрывают» [2, т.1, с. 50].

Синтаксические средства репрезентации символических значений стихии огня представлены использованием:

– параллельных синтаксических конструкций, эксплицированных согласованными определениями, которые подчеркивают устойчивость в поэзии А. Блока соотнесения стихии огня с **глазами**: «Неповторяемого взгляда, Неугасимого огня» [2, т.2, с. 338]. Использование отрицательных аффиксов, по наблюдениям И. В. Арнольд, связано с коннотациями экспрессивности, основанной на образности, такое отрицание показывает исключительность выделяемого качества [1, с. 119];

– однородных двусоставных простых предложений, актуализирующих связь символа «Огонь» с **сердцем как средоточием чувств, переживаний**: «Сердце сжалось, Огонь погас...» [2, т.1, с. 40];

– анафорического повтора слов или фраз, способствующих созданию символических значений стихии огня как **жизни**: «Иною жизнью жива, Иным огнем ярка» [2, т.1, с. 131], «Мало ли счастья в житийском просторе? Мало ли жару в сердечном огне?» [2, т.1, с. 7]; **весны**: «Я вся – весна! Я вся – в огне!» [2, т.2, с. 284]; **чувств и эмоций**: «И в каждом – метанье огня, И в каждом – печаль облаков» [2, т.2, с. 104]; как **источника внутреннего света**: «Самый огонь – слепые очи Не сожжет мечтой былой. Самый день – темнее ночи Усыпленному душой» [2, т.1, с. 86].

В роли субъекта сопоставления «огонь» сравнивается с игральными картами – **артефактом**: «Вон, точно карты, полукругом Расходятся огни» [2, т.3, с. 203]; в позиции объекта сопоставления

наблюдается соотнесение с **лирическим героем и Прекрасной Дамой**: «*Так блудящими огнями Поздней ночью, за рекой, Над печальными лугами Мы встречаемся с Тобой*» [2, т.1, с. 99] и **пьянящим напитком-артефактом**: «*А вино уж мутит мои взоры И по жилам огнем разлилось*» [2, т.1, с. 108]; **поэтом**: «*Духом ясный пред божьим лицом, Догорай, покидая лампаду, Одиноким и верным огнем*» [2, т.1, с. 64], **глазами**: «*И глаза под навесом бровей Огоньками болотными дремлют*» [2, т.2, с. 32], **палачом**: «*Перехожу от казни к казни широкой полосой огня*» [2, т.2, с. 274], **городом**: «*Весь город – яркий сноп огня*» [2, т.2, с. 273].

Анализ ядра лингвистического символа «Огонь» в текстах А. Блока показал преобладание переносных значений лексемы над прямыми. Отметим, что обращение к анализу все более широкого контекста, окружающего слово-экспликатор символа, способствует наращиванию смыслов и многозначности символа.

Таким образом, лингвистический символ «Огонь» в лирике А. Блока, относимой к периоду расцвета символизма, реализует:

– традиционные значения: живая, активная, амбивалентная, подвижная стихия, субститут Бога на земле, символ страсти, любви, сильных чувств и желаний человека, соотносится с глазами и сердцем, душой, светом, солнцем, творчеством и переменами, вдохновением, взаимодействует со стихиями воды, воздуха и земли, обладает магическими свойствами;

– авторскую символику: связь с ментальным миром человека, его духовными поисками, поэзией, символистским миропониманием, визионерскими переживаниями символистов, женским началом, бессмертием.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Блок А. А. Собрание сочинений. В 8-ми т. Под общ. ред. В. Н. Орлова и др.

- М.–Л., Гос. изд-во художественной литературы, 1960.
3. Бурого С. Б. Собрание сочинений. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бурого, 2005. – Т.1. Александр Блок. Очерк жизни и творчества. – 368 с.
 4. Иванова Л. П. Пособие по спецкурсу «Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте»: (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») / Л. П. Иванова. – К., 2000.– 54 с.
 5. Колобаева Л. А. Русский символизм. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 296 с.
 6. Костомаров М. І. Слов'янська міфологія / Упоряд, приміт. І.П.Бетко, А.М.Полотай. – К.: Либідь, 1994. – 384 с.
 7. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
 8. Меншиков І. І. Поетичне слово Пушкіна: Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій / Мордань В. І., Підмогільна Н. В. – Дніпропетровськ: Січ, 1999. – 325 с.
 9. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т./ Гл. ред. С.А.Токарев. – М.: Рос. энциклопедия, 1997, – Т.1: А–К. – 671с.
 10. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т./ Гл. ред. С.А.Токарев. – М.: Рос. энциклопедия, 1997. – Т.2: К–Я. – 719 с.
 11. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. РАН. – 1995-2012. – М.
 12. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / Пер. с нем. М.Ю.Некрасова – СПб, «Академический проект», 2003. – 816 с.

Умурзакова Анастасия Жуматовна
кандидат филологических наук,
профессор
Атырауский государственный
университет имени Халела
Досмухамедова
Казахстан, г. Атырау
e-mail: anastasiya211153@mail.ru

Umurzakova Anastasiya Zhumatovna
candidate of Philological Sciences,
Professor
Kh. Dosmukhamedov Atyrau State
University
Kazakhstan, Atyrau
e-mail: anastasiya211153@mail.ru

Дутбаева Сауле Сергеевна
кандидат филологических наук,
ассоциированный профессор
Атырауский государственный
университет имени Халела
Досмухамедова
Казахстан, г. Атырау
e-mail: saule_sergo@mail.ru

Dutbayeva Saule Sergoievna
candidate of Philological Sciences,
associate professor
Kh. Dosmukhamedov Atyrau State
University
Kazakhstan, Atyrau
e-mail: saule_sergo@mail.ru

А. Ж. Умурзакова, С. С. Дутбаева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЗНАКОВЫХ ЕДИНИЦ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются невербальные знаковые единицы, а именно: рекламные, карикатуры, комиксы, как знаковые единицы иллюстративно-визуального ряда, формирующие языковые, речевые и культурные компетенции. Применение знаковых единиц указанного ряда особенно важно при обучении языкам в молодежной среде. Визуальное изображение в названных невербальных текстах, а также фоновая информация, заложенная в них, обладают большим эмоциональным зарядом в межкультурной коммуникации. Невербальные знаковые единицы (креализованные тексты) обладают способностью хранить и передавать специфическое национальное самосознание и традиции. Использование невербальных знаковых единиц в процессе обучения русскому языку прививает навыки построения коммуникации в различных ситуациях межкультурного общения.

Ключевые слова: невербальные знаковые единицы, креализованные тексты, межкультурной коммуникации.

A. Zh. Umurzakova, S. S. Dutbayeva

APPLICATION OF NON-VERBAL SIGN-ORIENTED UNITS DURING PROCESS OF FORMATION OF VERBAL AND CULTURAL COMPETENCIES

Abstract. The article deals with nonverbal sign units, namely advertising, cartoons, comics, as sign units of illustrative and visual series, forming language, speech and cultural competence. The use of sign units of this series is especially important when teaching languages in the youth environment. The visual image in these non-verbal texts, as well as background information embedded in them have a great emotional charge in intercultural communication. Non-verbal symbolic units (crealized texts) have the ability to store and transmit a specific national identity and traditions. The use of nonverbal sign units in the process of teaching the Russian language instills communication skills in various situations of intercultural communication.

Keywords: nonverbal sign units, crealized texts, intercultural communication.

В ряд невербальных средств можно отнести знаковые единицы иллюстративно-визуального ряда: тексты рекламы, карикатуры, комиксы, афиши, плакаты. В научной литературе они называются также креолизованными текстами, данные тексты находятся на границе вербальных и невербальных средств языка. Тексты реклам, карикатур, комиксов, афиш, плакатов (креолизованные тексты) – это тексты, фактура которых состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [1, с.180]. В 1990 году Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасовпредложили термин «креолизованные тексты» для обозначения текстов, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей».

В лингвистической литературе встречается множество обозначений, авторы которых пытаются с помощью термина указать на самую суть данного типа текстов: «семиотически осложненный», «нетрадиционный», «видео-вербальный», «составной», «поликодовый», «креолизованный» «лингвовизуальный феномен», «синкретичное сообщение», «изовербальный комплекс», «изоверб», «иконотекст» (Е. Е. Анисимова, В. М. Березин, А. А. Бернацкая, Л. С. Большаянова, Н. С. Валгина, Л. В. Головина, и др.). Е. Е. Анисимова проводит градацию названных текстов по степени спаянности в них вербальных и невербальных компонентов: гомогенные вербальные

тексты – паралингвистически активные тексты – тексты с частичной креолизацией – тексты с полной креолизацией.

К средствам креолизации вербальных текстов относятся изобразительные компоненты, соседствующие с вербальными и оказывающие существенное влияние на интерпретацию текста, а также все технические моменты оформления текста, влияющие на его смысл. Среди них следует назвать: шрифт, цвет, фон текста (цветной или иллюстрированный), средства орфографии, пунктуации и словообразования, изображения, иконические печатные символы (пиктограммы, идеограммы и т. п.), графическое оформление вербального текста (в виде фигуры, в столбик и т. п.). Полный спектр средств креолизации ещё не выделен и не описан.

Если вербальные тексты создаются с целью донесения информации адресатам и при их интерпретации не важны «технические» моменты текста, то в креолизованных текстах иллюстративно-визуальный ряд имеет решающее значение в восприятии текста. От его наличия или отсутствия зависит содержательное восприятие текста. Например, если один и тот же текст набрать латинским и готическим шрифтом, их интерпретация будет различной. Так, в Германии готический шрифт зачастую ассоциируется с нацизмом, что может повлечь за собой соответствующие ассоциации при прочтении нейтрального текста. В креолизованных текстах вербальный и визуальный компоненты состоят в неразрывной связи. Классическим примером креолизованного текста является сказка А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц», где вербальный текст и авторские рисунки составляют единое неделимое целое.

Изображение в креолизованном тексте, а также фоновая информация, заложенная в нем обладают большим эмоциональным зарядом в межкультурной коммуникации. Изображения участвуют в кодировании информации в процессе креолизации текста, а также символизируют об определенных объектах действительности. Так, во многих газетах в августе 2014 года был напечатан скандальный постер, изображающий целующихся Курмангазы и Пушкина. Этот постер был рекламой алматинского гей-клуба [2]. Это изображение вызвало справедливое возмущение представителей русской и

казахской культуры, почти во всех русскоязычных и казахскоязычных газетах были напечатаны требования наказать создателей данного рекламного текста. Конечно, столь эмоциональный отклик был вызван кощунственным отношением к гениальным представителям двух народов. Всеобщее осуждение в средствах СМИ, а также пользователей интернета справедливо завершилось общественным порицанием, а также административными мерами наказания.

Карикатура имеет другую коммуникативную цель – критику злободневных социальных и политических событий. И, несмотря на то, что как жанр искусства она может быть использована в плакате (особенно на международные и бытовые темы, где типичны сатирические образы собирательного характера), главная ее функция – комический эффект, дающий критическую оценку каким-либо событиям. С другой стороны, форма плаката или полностью сюжет и графика уже известного плаката могут стать основой аллюзии (квазиаллюзии) или цитации (квазицитации) при создании карикатуры. Так, например, в карикатуре с изображением В.В. Жириновского как главного персонажа плаката «Ты записался добровольцем?». Данное наблюдение можно трактовать как особенность реализации категории интертекстуальности в политическом плакате и карикатуре.

Плакат и карикатура совпадают в задачах воздействия на реципиента. К таким задачам, во-первых, относят привлечение к изображению непроизвольного внимания (поэтому важную роль, как в плакате, так и в карикатуре играет умелое сочетание изобразительных и вербальных средств). Наиболее распространенным в этом случае является обращение к принципу контраста. Во-вторых, необходимо отметить задачу удержания внимания реципиента и стабилизации его интереса. В-третьих, карикатура и плакат должны обладать элементом отстранения, отчуждения, неким новым, незнакомым смыслом, заставляющим реципиента не просто узнать плакат или карикатуру, а прочесть его (ее) и зафиксировать смысл. Карикатура (особенно политическая) рассчитана на аудиторию взрослых людей, обладающих необходимыми фоновыми знаниями.

Общеизвестно, какой отклик и даже ряд трагических событий произошел в мире из-за оскорбительных карикатур в французском

сатирическом еженедельнике Charlie Hebdo. Редакционная политика еженедельника – нонконформистского и антирелигиозного – подразумевает, что для шуток нет запретных тем. Героями карикатур, зачастую весьма оскорбительных и болезненных, становились и кардиналы католической церкви, и сам папа Римский, и лидеры различных государств, включая президента Франции и Иисуса Христа.

Однако самую большую «славу» журнал снискал благодаря изображениям пророка Мухаммеда. В исламских странах произошли демонстрации с требованием изъять тираж журнала, террористические группировки перешли к угрозам физического уничтожения.

Нападение на редакцию Charlie Hebdo произошло 7 января 2015 года. Двое злоумышленников ворвались в редакцию еженедельника и открыли огонь по находившимся там людям. Погибли 12 человек, в том числе двое полицейских, нападавшим удалось скрыться с места происшествия.

Все эти события свидетельствуют о значимости креализованных текстов, в данном случае карикатур в межкультурной коммуникации. Но, к сожалению, они не послужили уроком для редакции упомянутого выше журнала. Уже в начале 2016 года вышел специальный номер, посвященный годовщине нападения на редакцию журнала с обложкой, изображающей ответственного за расстрел журналистов. На его обложке появилась вновь карикатура, но уже на обобщенную фигуру бога: бородатый мужчина в длинном, забрызганном кровью одеянии, в сандалиях и с автоматом Калашникова за спиной. «Прошел год, убийца все еще на свободе», – гласит подпись к рисунку, автором которого стал глава редакции Лоран Суриссо.

В социальных сетях в Казахстане получили распространение «говорящие» картины молодой казахстанской художницы Ансаган Мустафа «Сойле, сурет!» («Говори, картина!») [3]. Работы Ансаган похожи на мотивационные плакаты, затрагивающие различные социально значимые проблемы. Они словно обличают пороки общества, заставляют задуматься. Сюжеты будущих картин художница берет из жизни. Выполненные тушью и гуашью, черно-

белые полотна бьют не в бровь, а в глаз. Картины Ансаган активно распространяются среди пользователей социальных сетей, некоторые из них даже приобрели мировую известность. Первая понятно без слов и с ней сложно не согласиться, а вторая грустная.

Страна Мам

Рис.1

Самая популярная картина "Мама, наверное, убьет меня" была переведена интернет-пользователями на 9 языков.

Рис.2

Комикс, как и карикатура, является художественным произведением, принадлежит современной массовой культуре и функционирует в средствах массовой информации.

Коммуникативной целью комикса (и основной его функцией) является, развлечение читателей или удовлетворение их познавательного интереса, что отличается от коммуникативной цели карикатуры. Комикс адресован в большинстве случаев детям и подросткам. В комиксе идет развитие сюжета в нескольких картинках (есть начало, развитие темы и заключение). Вместе они представляют единую, завершенную композицию, а по отдельности – теряют свой смысл. Форма комикса представляет собой комплекс знаков разных сигнальных систем, объединенных общей функцией, которая заключается в передаче разнообразной информации, то есть в актуализации художественной интенции автора. В полиязычном Казахстане жанр комикса не имеет такого распространения как в европейских средствах информации и поэтому появление их в межкультурном пространстве говорит о значимости данных креализованных текстов. Так, в Казахстане издан комикс о казахстанском супермене, который живет во время появления Казахского ханства и сражается с силами тьмы – ведьмами, колдунами, драконами и гигантскими змеями.

Рис.3

Автор комиксов Мадибек Мусабеков отмечает, что он начал разрабатывать этот проект пять лет назад, когда учился в университете, что в прошлом году вышел первый комикс о Ермаке батыре. Такого народного героя никогда не существовало – это авторский персонаж. Ермак очень смел и решителен, он помог очистить Казахское ханство от сил тьмы. Автор комикса уверен, что это – наилучший сегодня способ заинтересовать детей и молодежь историей страны. Комикс идеально может рассказывать об исторических событиях, поскольку это визуальная форма. Читатель может увидеть, как выглядел мир в то время, а не только рисовать эти картины в собственном воображении. С другой стороны, затраты на комиксы значительно ниже, чем, например, на фильм о том или ином событии. Он также считает, что комиксы являются эффективным средством межкультурной коммуникации. Автор также отмечает, что пользователи его странички в интернете дали высокую оценку одному из первых казахстанских комиксов, что будущими героями комиксов будут Жанибек и Керей – основатели Казахского ханства.

Таким образом, языковой барьер не является единственным препятствием, которое приходится преодолевать в процессе коммуникации представителям разных культур. За языковым барьером стоит культурный барьер, который также затрудняет эффективную коммуникацию. Поэтому при изучении русского языка преподаватель должен использовать креализованные тексты как средство формирования адекватных, не стереотипных сведений об иноязычной культуре.

Библиографический список

1. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизированные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А.Сорокин, Е. Ф. Тарасов//Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – 240 с.
2. <http://news.nur.kz/328149.html>
3. <http://www.stranamam.ru/post/8594658/>

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Петкова Силвия Атанасова
доктор, доцент
Софийский университет им. Св.
Климента Охридского,
Болгария, г. София
e-mail: silvia_petkova@slav.uni-
sofia.bg

Petkova Silvia Atanassova
PhD, Assoc. Professor
Sofia University St. Kliment Ohridski,
Bulgaria, Sofia
e-mail: silvia_petkova@slav.uni-
sofia.bg

С. А. Петкова

О СТРАТЕГИЯХ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ЭКСПРЕССИВНЫХ ОБРАЩЕНИЙ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: В статье рассматривается проблема перевода культурно-специфических русских экспрессивных форм обращения на болгарский язык. Основные переводческие стратегии анализируются на основе теории речевых актов и с учетом ситуативного контекста высказывания, в том числе и релевантной информации об участниках коммуникации: их возрастных и гендерных характеристик, наличия / отсутствия знакомства, степени социальной дистанции, предыстории коммуникативных отношений и др. Анализ подтвердил, что подход к переводу экспрессивных обращений должен быть гибким, ориентированным на передачу прагматических функций языковых единиц.

Ключевые слова: стратегии перевода, обращения, прагматическое значение, интенции, отношение говорящего, динамическая эквивалентность, русский язык, болгарский язык.

S.A. Petkova

TOWARDS THE STRATEGIES FOR TRANSLATING RUSSIAN EXPRESSIVE FORMS OF ADDRESS INTO BULGARIAN

Abstract: The paper discusses the problem of translation of the culture-specific expressive forms of address from Russian into Bulgarian. The main translation strategies are analysed based on the theory of speech acts and taking into account the situational context of the utterance, including the relevant information about the interlocutors: age and gender characteristics, presence / absence of acquaintance, degree of social distance,

background of communicative relations, etc. The analysis confirmed that the approach to the translation of expressive address should be flexible, focused on the transfer of pragmatic functions of the linguistic units.

Keywords: translation strategies, forms of address, pragmatic meaning, intentions, speaker's attitude, dynamic equivalence, Russian, Bulgarian.

Обращение играет ключевую роль в построении коммуникативно-интенционального плана высказывания, осуществляя адресацию речи и выражая отношение говорящего к собеседнику. Единицы, выступающие в функции обращения, можно определить как прагматически нагруженные вставные элементы дискурса, которые теснейшим образом связаны с ситуацией общения. Необходимость передачи прагматических компонентов значения, которые, как известно, более динамичны и изменчивы, чем семантические компоненты, предопределяет существенные трудности, с которыми мы сталкиваемся при переводе обращений.

Объектом настоящего исследования являются русские экспрессивные обращения и способы их передачи на болгарский язык. В рамках класса экспрессивных обращений разграничиваются: 1) контактно-экспрессивные (фамильярные): *друг, дружок, дружище, приятель, старик, брат/браток, мамаша, папаша*; 2) эмоционально-экспрессивные: а) ласкательные: *голубчик/голубушка, зайка, лапонька, рыбонька, котенок, котик, солнышко, золотце, ягодка, детка, душенька, милочка, милый/милая, родной/родная*; б) инвективные: *козел, осел, сука, гнида, скотина, болван, идиот, debil, сволочь, мерзавец, негодяй*.

Наше внимание будет сосредоточено на контактно-экспрессивных и ласкательно-экспрессивных обращениях. Их важной объединяющей чертой является принадлежность классу регулятивов, **ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА** выражение субъективного отношения к адресату

Согласно В.Е.Гольдину в русском языке существует два основных класса обращений: индексы и регулятивы [5, 6]. Обращения, относящиеся к первому классу, выполняют номинативную функцию, называя адресата по объективно присущему ему признаку: профессии, должности, возрасту, гендерной принадлежности: *доктор, водитель, профессор, молодой человек, девушка* и др. Их употребление в

достаточной мере регламентировано и не мотивировано интенцией выражения индивидуального отношения к собеседнику. В отличие от них, представители второго класса не маркируют объективно присущий адресату признак, а регулируют взаимоотношения собеседников. Иными словами, посредством обращений-регулятивов говорящий заявляет о своем желании использовать определенный тип «коммуникативного коридора» (термин С.Б. Андоньевой. [1]), призывая адресата вести диалог на основе соответствующего сценария (фрейма), утвержденного в данном лингвокультурном сообществе (см. подробнее [8, с. 31-32]).

Категориальные особенности экспрессивных обращений обуславливают и выбор переводческих стратегий при передаче их значений – он осуществляется с учетом релевантных параметров ситуативного контекста, касающихся участников общения: их возрастной и гендерной характеристик, наличия/отсутствия знакомства, степени социальной дистанции, положения в служебной иерархии, предыстории коммуникативных отношений и др. Адекватность перевода обращения во многом зависит также от типа речевого акта (РА), в котором оно употребляется, и от интенции, которая в нем заложена.

Вопросы перевода экспрессивных обращений для пары языков русский-болгарский сравнительно мало исследованы.

В монографии «Непереводимое в переводе» С. Влахов и С. Флорин отмечают, что основная трудность при переводе эмоционально окрашенных обращений состоит в тонкости их нюансировки, а также в недостаточном количестве или отсутствии соответствующих средств выражения в языке перевода [4, с. 240]. По мнению авторов, в процессе перевода обращений нужно «прежде всего думать о естественности тона (...), о функциональной равнозначности перевода» [4, с. 238].

На конкретном языковом материале Г. Костадинова анализирует способы перевода и возможные переводческие решения при передаче значений русских обращений *брат*, *друг*, *другок*, *голубчик*, *голубушка*, *душенька* и др. Уделяя особое внимание вопросу о степени экспрессивности исходных единиц и их переводных соответствий, она приходит к выводу, что переводчик должен обязательно учитывать

узус болгарского языка и то, как выбранный вариант перевода будет воспринят болгарским реципиентом [7, с. 134].

В своей книге «Перевод и время» И. Владова также касается проблем перевода русских эмоционально-экспрессивных обращений на болгарский язык. Определяя их как важное средство индивидуальной персонификации героев, автор подчеркивает, что их перевод обычно осуществляется посредством функционального аналога или описательным способом [3, с. 97].

В статье, посвященной семантике и переводу уменьшительно-ласкательных обращений, Н. Стойкова отмечает, что при переводе нарицательных существительных в роли обращения можно наблюдать как эквивалентность языковых средств, так и лексико-грамматические трансформации, применяемые «с целью сохранить естественное звучание текста» [9, с. 242]. Согласно ее наблюдениям, при переводе обращений, относящихся к группе названий животных (*ежик, зайчик, котенок, рыбка, голубчик*), употребляются не только зоонимы, а при переводе обращений, представляющих собой названия растений (*цветочек, яблонько, березонька*), «обычно используются обращения, свойственные общепринятому узусу и миропониманию болгарского реципиента» [9, с. 241]. В ряде своих работ Н. Стойкова указывает на необходимость учета социокультурных, прагматических и когнитивных факторов для адекватного понимания и употребления обращений. Не вызывает сомнений важность вывода исследовательницы о том, что от выбора обращения «в очень большой степени зависят как тональность и характер речевого общения коммуникантов, так и сила его воздействия на адресата и достижение его коммуникативной цели» [10, с. 221].

Обобщение представленных в литературе взглядов переводоведов и наших собственных наблюдений над языковым материалом позволяет выявить 4 основных способа перевода экспрессивных обращений:

1. Посредством ближайшего семантического эквивалента. Например: рус. *солнышко* – болг. *слънчице, слънце*; рус. *золотце* – болг. *злато*; рус. *дружок* – болг. *приятел, приятелю*; рус. *браток* – болг. *братко, братче, братле, брат*.

2. Посредством функционального аналога. Например: рус. *старик* – болг. *приятелю, друже*; рус. *рыбонька* – болг. *миличка, съкровице*; рус. *любезнейший* – болг. *друже*; рус. *милочка* – болг. *моето момиче*.

3. Посредством замены обращения на другой прагматический маркер. Например: рус. *дружок* – болг. *ако обичаш*; рус. *голубчик* – болг. *моля ти се*.

4. Посредством опущения обращения.

Исходя из убеждения, что адекватность переводческих решений следует оценивать на базе контекстуально-ситуативного анализа, рассмотрим типичные случаи реализации этих способов перевода с учетом того прагматического значения, которое актуализируется в контексте диалога.

В ряде случаев переводчик имеет возможность воспользоваться наличием **семантического эквивалента** в болгарском языке, который часто обнаруживает и формальное сходство с исходной русской единицей. Например:

(1) – *Душенька, милочка, красавица, – засипел Коровьев, переваливаясь через прилавок и подмигивая продавщице, – не при валюте мы сегодня... ну что ты поделаешь!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

– *Душице, миличка, хубавице – засумтя Коровиев, като се навеждаше през тезгяха и смигаше на продавчката, – днеска се случихме без валута ... какво да се прави!* (перев. Л. Минковой)

В тексте перевода употреблены ближайшие эквиваленты русских обращений, которые оказываются вполне подходящими вариантами. Отметим, что при переводе слова *милочка* была произведена грамматическая трансформация, при которой исходное субстантивное обращение преобразуется в адъективное, но это не меняет суть дела, так как русская единица имеет в болгарском языке только адъективные корреляты с корнем *мил-*.

При наличии нескольких вариантов семантического соответствия перед переводчиком стоит проблема выбора наиболее уместного. В (2) рус. *котенок* имеет в качестве диминутивного коррелята в болгарском языке две формы – *коте* и *котенце*. Переводчица с полным основанием предпочла форму *котенце*, так как

адресатом является девочка, с которой разговаривает отец. Что касается формы *коте*, то она более частотна как обращение к любимой/любимому.

(2) – *Собирайся, котенок, – сказал я Лиле, натягивая джинсы и собирая в большую сумку наши пожитки* (А. Маринина, Черный список).

– *Приготвяй се да си тръгваме, котенце – казах на Лиля, навлякох си дънките и започнах да прибирам багажа ни в сака* (перевод З. Петровой).

Интересный случай представлен в следующей реплике, где переводчик имел в своем распоряжении набор из 4 переводческих соответствий рус. *котик*, а именно болг. *коте*, *писе*, *котаранч* и *писанчо*.

(3) *Танька отбыла, крикнув мужу:*

– *Валерочка, котик, пока* (Т. Полякова, Чего хочет женщина).

Таня си тръгна, подвиквайки на мъжа ми:

– *Валера, писанчо, до скоро* (перев. И. Митевой).

Обращение *писанчо* гораздо менее частотно, чем исходное *котик*. Тем не менее этот вариант перевода представляется нам удачным с учетом шуточной тональности реплики молодой женщины в адрес мужа ее подруги. Необходимо отметить, что употребление семантических эквивалентов *коте*, *писе* было бы ошибкой, так как они предполагают существование более интимных отношений между собеседниками.

Как известно, наличие у исходной единицы семантического эквивалента в языке перевода далеко не всегда обеспечивает смысловую адекватность. Расхождение в функциональности экспрессивных обращения и их иноязычных семантических соответствий можно определить как одну из основных проблем при переводе данных коммуникативных единиц.

Так, при переводе русских экспрессивных обращений нередко допускается буквализм, поскольку переводчик попадает под «гипноз оригинала». В(4) представлен один из многочисленных примеров, в которых специфическое русское обращение *голубчик* переводится посредством болг. *гълъбче*, что приводит к отклонению от требования максимального прагматического соответствия подлиннику.

(4) – *Осетрину прислали второй свежести, – сообщил буфетчик.*

– *Голубчик, это вздор!*

– *Чего вздор?*

– *Вторая свежесть – вот что вздор! Свежесть бывает только одна – первая, она же и последняя* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

– *Бяха ни пратили есетра втора преснота – заяви бюфетчията.*

– *Глупости говорите, гълъбче!*

– *Защо да са глупости?*

– *Втора преснота – това е глупост. Преснотата бива само една – първа, първа и последна* (перев. Л. Минковой).

Обращение *голубчик* имеет достаточно широкий экспрессивный потенциал и может выражать не только положительные эмоции, но и недовольство по отношению к адресату [7, с. 131]. Это, однако, не характерно для его семантического эквивалента в болгарском языке *гълъбче*, поэтому в данном контексте он звучит неестественно. В представленном здесь РА резкого возражения более уместно было бы употребить функциональный аналог – болг. *драги*. Именно он прагматически согласовывается с иллокутивной силой РА, осуществленного в подлиннике, так как передает известную дистанцированность и с опорой на контекст обслуживает задачу речевой реализации тональности возмущения.

Рассмотрим и следующий микроконтекст, в котором пятидесятилетний представитель фирмы электронного оборудования обращается к своей молодой секретарше.

(5) – *Детка, – сказал он секретарше, – меня понесло по клиентам. Оставайтесь командовать гарнизоном, удерживайте, как говорится, крепость, а я Вам принесу шоколадку.*

Секретарша расцвела. Нунап послал ей воздушный поцелуй и покотился по коридорам института (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине).

– *Мило дете, – каза той на секретарката. – Запрашвам към клиентите. Вие оставате да командвате гарнизона, задържайте, както се казва, крепостта, а аз ще ви донеса шоколадче.*

Секретарката разцѣфтя. Нънан изпрати въздушна целувка

и се понесе по коридорите на института (перев. М. Асадурова).

Статусно-ролевая характеристика говорящего – старшего по возрасту и стоящего выше в служебной иерархии мужчины – обуславливает то, что, что в РА просьбы-инструкции он использует «шутливо-покровительственную» форму адресации *детка* [2, с. 149]. Реакция секретарши на реплику начальника, пообещавшего принести ей шоколадку взамен на оказанную услугу (*секретарша расцвела*), и последовавший воздушный поцелуй свидетельствуют о том, что реализуется фрейм легкого флирта, в котором мужчина оказывает сотруднице повышенное внимание при просьбе о чем-либо. Учитывая ситуативный контекст, мы считаем, что предложенный здесь вариант перевода – посредством семантического эквивалента *мило дете* – не является самым удачным, так как нюанс заигрывания утрачивается. Переводческое решение не вполне соответствует шутливо-игровому плану речи, поддерживаемому такими экспрессивно-образными средствами, как *командовать гарнизоном* и *удерживать крепость*.

Гораздо чаще при переводе экспрессивных обращений используется **функциональный аналог**. Отсутствие полной эквивалентности при переводе обращений объясняется не различиями в денотативном ядре значений коррелирующих слов в двух языках, а несовпадением эмотивно-экспрессивной информации. Речь идет о межъязыковых различиях прагматилистического характера, которые в первую очередь касаются категории речевой тональности.

Ниже приведены три контекста употребления обращения *голубчик*, в которых переводчики предпочли использовать функциональный аналог при наличии семантического эквивалента в болгарском языке. Причиной такой замены является то обстоятельство, что передача денотативного значения исходной единицы привела бы к неестественному звучанию текста перевода.

В представленном в (6) РА упрека босс обращается к подчиненному. Подбранное переводчиком обращение *драги* в полной степени соответствует коммуникативным интенциям говорящего.

(6) – *Тот скандал уладил в комендатуре?*

– *Сто пятьдесят монет выложил. Все довольны.*

– *Сто пятьдесят с тебя, – сказал Нунан. – Твоя вина, голубчик. Надо было следить* (А. и Б. Стругацкие, Пикник на обочине).
 – *Оправи ли онзи скандал в комендатството?*
 – *Сто и петдесет кинта им бутнах. Всички са доволни.*
 – *Сто и петдесет за твоя сметка – каза Нънан. – Ти си виновен, драги. Трябваше да си отваряш очите* (перев. М. Асадурова).

В следующем примере говорящий старше адресата, поэтому переводчик использовал в качестве функционального эквивалента болг. *приятелче*. Как нам представляется, уместной здесь была бы и форма *приятелю*, которая выражает отношения равенства, солидарности.

(7) *Пятнадцать лет понадобилось мне, голубчик, чтобы понять, что же самое страшное. Человеческий облик потерять страшно, Антон. Запачкать душу, ожесточиться* (А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом).

Трябваха ми петнадесет години, приятелче, за да разбера кое е най-страшното. Антоне, най-страшното е да загубиш човешкия си лик. Да омърсиш душата си, да се озлобиш (перевод С. Владимиров).

Обратимся и к реплике дочери, адресованной матери, где также присутствует интересующее нас обращение. На первый взгляд болг. *мила* может показаться не совсем адекватным переводным соответствием, так как оно выражает некоторую дистанцированность, но, имея в виду, что дочь обращается к матери на *вы*, стратегию переводчика следует признать подходящей.

(8) – *Мамаша, вы даже бледны, успокойтесь, голубчикмой, – сказала Дуня, ласкаясь к ней* (Ф. Достоевский, Преступление и наказание).

– *Майко, вие сте даже бледа, успокойте се, мила – каза Дуня, като се притисна нежно към нея* (перев. Г. Константинова).

Богатый набор функциональных аналогов русского обращения *голубчик* обусловлен широкой вариативностью коммуникативных ситуаций, в которых оно употребляется. *Голубчик* используется как обращение к возлюбленному/возлюбленной, к другу, к ребенку, к родителю, к малознакомому человеку, может использоваться и в

общении «сверху – вниз». В ряде случаев оно подвергается почти полной десемантизации и обнаруживает сходство с междометием.

Использование болгарского соответствия *гълъбче* лишь в некоторых случаях является удачным переводческим решением. Например:

(9) – *Ну как, уколемся? Ночью будешь спать, как младенец, – прожурчал Коровин мысленно прибавил: «Сейчас, голубчик, ты мне всю правду расскажешь»* (Б. Акунин. Ф. М.).

– *Е, какво, да те боднали? Щещиш презноцта като младенец – измърка Коровин, анаум прибави: «Сега, гълъбче, щемиразкажеш цялата истина»* (перев. С. Бранц).

Перенос зооморфного обращения с одного языка на другой обслуживает задачу передачи иронической тональности РА угрозы. Возможным вариантом перевода представляется также болг. *драги мой*, которое часто встречается именно в таком прагматическом контексте.

В группе обращений, представляющих собой названия животных, обнаруживаются значительные межъязыковые различия: русские ласкательные зооморфизмы более многочисленны и употребляются чаще, чем болгарские. Нами было зафиксировано более двадцати русских зоонимов и их суффиксальных вариантов, функционирующих как ласковые обращения: *голубчик, голубушка, птичка, цыпа, зайка, зайка, зайчик, лапа, лапушка, лапонька, ласточка, рыбка, рыбонька, котенок, котик, киса, киска, кисонька, кошечка, мартышка, медвежонок, мышонок, тигренок* и др.

Приведем пример перевода лингвоспецифического обращения *лапонька*, которое не имеет семантического эквивалента в болгарском языке.

(10) *Старость – это прежде всего знаешь что? Это, лапонька, прежде всего предрассудок!* (С. Залыгин, Южноамериканский вариант).

Старостта е преди всичко знаеш ли какво? Това, душке, е преди всичко предрасъдък! (перев. С. Яневской)

Нежное обращение мужа к жене здесь передано посредством аналога *душке*. Ввиду его низкой частотности мы считаем, что более естественно звучал бы вариант *душко*. При соблюдении требования

одинаковой степени частотности подходящим оказывается и болг. *съкровище*.

В следующем примере интерес представляет предложенный вариант перевода рус. *дорогуша*, которое, несмотря на внутреннюю форму, используется как пренебрежительное, обидное обращение.

(11) *Тут в досягаемой близости появился «москвиченок» и притормозил.*

– *Чего у вас, девчонки?* – весело спросил дядька в лисьей шапке.

– *Ничего у нас для тебя нет, **дорогуша**,* – ответила Танька. – *Кати дальше* (Т. Полякова, Чего хочет женщина).

В този момент съвсем близо до нас се появи един «Москвич» и спря.

– *Какво става с вас, момичета?* – попита развеселено чичкото с шапка от лисици на главата.

– *Нищо, което да те засяга, **сладурче*** – отвърна му Таня. – *Върви си по пътя* (перев. И. Митевой).

Ориентируясь на передачу пренебрежительной тональности, переводчица вполне правомерно отдала предпочтение частичному эквиваленту *сладурче*, нежели семантическому эквиваленту *драги*.

В составе предложения обращение грамматически автономно, и в этом плане оно обнаруживает сходство с вводными словами и конструкциями. Это позволяет произвести переводческую **замену обращения на другой вводный прагматический маркер**. Например:

(12) – *Эй, человек! Принеси-канам, **дружок**, графинчиканисовой, щейгоршочекитотамувас, стерлядкупривезли?* (Б. Акунин. Ф. М.)]

– *Ей, момче! Донесини, **ако обичаи**, еднагарафичкамастика, зелевасупаи каквооще, днесималичига?* (перев. С. Бранц).

Здесь применена стратегия контекстуально-смысловой замены единиц, имеющих разную морфологическую характеристику, но тождественную прагматическую функцию в высказывании. В оригинале представлен типичный для РА директива комплекс побудительной частицы *-ка* и фамильярного обращения *дружок*, которые в тексте перевода переданы посредством вводного маркера вежливости.

Сравнительно редко переводчики прибегают к **опущению обращения**, хотя это решение может быть оправдано с лингвистической точки зрения: согласно количественным данным, экспрессивные обращения отличаются высокой частотностью в художественных текстах и в связи с этим подвергаются сильной десемантизации, в силу чего их возможно опустить без потери смысла. Например:

(13) *Умирать, мой друг, всем придется* (М. Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы).

Смъртта никого няма да отmine (пример из [7, с. 123]).

(14) *А я вот, брат, вышел: дела* (Ф. Достоевский, Униженные и оскорбленные).

Аз пък съм поизлязъл малко: имам работа (пример из [7, с. 127]).

Опуская обращение, переводчик избегает избыточного подчеркивания эмоционального элемента, который на самом деле в оригинале не несет никакой информации и выступает как узуальный маркер диалогичности.

Проведенный анализ подтвердил, что подход к переводу экспрессивных обращений должен быть гибким, ориентированным на передачу прагматической функции. Иными, словами, перевод данных языковых единиц необходимо осуществлять в соответствии с концепцией динамической эквивалентности Ю. Найды.

Лексикографические данные в большинстве случаев не предоставляют достаточной информации о русских экспрессивных обращениях, поэтому в поиске их функциональных соответствий необходимо опираться на ситуативный контекст и анализ коммуникативных интенций субъекта речи. При этом полезной оказывается интроспекция: коммуникативный опыт, накопленные знания о специфике речевого поведения в рамках разных фреймов могут помочь переводчику так преобразовать текст перевода, чтобы у реципиента не возникало ощущения искусственности и чуждости.

Библиографический список

1. Андоньева С.Б. Прагматика фольклора: частушка, заговор, причет. Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. – СПб, 2004.

2. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. – М.: Аст-Астрель, 2007. – 767 стр.
3. Владова И. Превод и време. – София: Наука и изкуство, 1980. – 183 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.
5. Гольдин В.Е. Речь и этикет. – М.: Просвещение, 1983. – 109 с.
6. Гольдин В.Е. Обращение. Теоретические проблемы. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 136 с.
7. Костадинова Г. За превода на някои руски обръщения на български език // Езикови проблеми на превода (руски език). – София: Наука и изкуство, 1987. – С. 120-134.
8. Петкова С. Обращение как средство речевого воздействия на адресата // Болгарская русистика 2005, № 3-4. – С. 31-41.
9. Стойкова Н. Семантика и перевод уменьшительно-ласкательных обращений в русском и болгарском языках // XX Епископ-Константинови четения «Памет и спомен», Т. 19. – Шумен: Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2013. – С. 236–243.
10. Стойкова Н. Обращение как основная фатическая коммуникема // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков, Вып. 11. – Шумен: Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2017. – С. 204–224.

Манчев Владимир Симеонович
кандидат филологических наук, ст.
преподаватель
Софийский университет имени Св.
Климента Охридского,
Факультет славянских филологий,
кафедра русского языка
Болгария, г. София
e-mail: v.manchev@abv.bg

Manchev Vladimir Simeonovich
Chif assistant Professor, PhD.
Sofia University "St. Kliment Ohridski"
Faculty of Slavic Studies, Department of
Russian Language
Bulgaria, Sofia
e-mail: v.manchev@abv.bg

В. С. Манчев

О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПЕРЕВОДА МЕЖДОМЕТИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация: В предлагаемой статье рассматриваются некоторые лингвокультурные аспекты передачи междометий с болгарского на русский и с русского на болгарский язык. Подчеркивается необходимость учитывать самый широкий контекст при переводе этих слов.

Ключевые слова: междометия, лингвокультурологические аспекты, контекст, перевод

V. S. Manchev

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECTS OF TRANSLATION OF INTERJECTIONS (BASED ON RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES)

Abstract: The proposed article discusses some linguocultural aspects of the transfer of interjections from Bulgarian to Russian and from Russian to Bulgarian. It emphasizes the need to take into account the widest context when translating these words.

Key words: interjections, linguo-cultural aspects, context, translating

В последнее время все больше лингвистов проявляет интерес к проблеме перевода междометий, что вполне закономерно, ибо данная часть речи занимает особое место в художественной литературе, где не только передает чувства и состояние автора или героя произведения, но и «усиливает эмоциональность высказывания» [14,

с. 251], а также включает в себе определенный этнокультурный колорит. Таким образом, перед переводчиком художественного текста стоят три нелегкие задачи: определение значения междометия языка оригинала, кроющегося в его глубинной семантике, его максимально точная передача на язык перевода и хотя бы частичное сохранение национального колорита. В противном случае прагматическая составляющая в языке перевода не будет реализована.

Эмоции, безусловно, присущи всем народам мира, но их источники и формы выражения различны, так как каждый народ обладает своими фоновыми знаниями и мировосприятием. Следовательно, эмоциональные проявления могут различаться даже у близких в языковом, культурном и конфессиональном отношениях народов. В этом отношении нельзя не согласиться с мнением А. Вежбицкой, говорящей о существовании в каждом языке своего неповторимого и не совпадающего с подобными системами других языков набора первичных междометий, а также с В.Н. Телия, считающей, что «...,чужая культура – это идиома», поскольку ее содержание не мотивировано для непосвященного в нее, а потому не прозрачно для него и не отрефлектировано» [17, с. 226]. Поэтому неудивительно, что как при передаче болгарских междометий на русский язык, так и при передаче русских междометий на болгарский язык, использование приемов транскрипции или транслитерации может привести к непониманию читателем перевода смысла, выражаемого междометием, к невосприятию (либо неправильному восприятию) стоящих за данной лексемой чувств и переживаний. Следовательно, переводчику необходимо в первую очередь распознать функциональное тождество междометий ИЯ и ПЯ, ибо, как отмечает **Я.И. Рецкер**, адекватный перевод заключается «...в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы путем воспроизведения особенностей последней (если это возможно по языковым условиям) или создания функциональных соответствий этим особенностям.» [15, с. 114]. Вполне очевидно, что для достижения максимально возможной адекватности при передаче столь специфической части речи, как междометия, необходимо

«использование таких языковых средств, которые часто и не совпадая по своему формальному характеру с элементами подлинника, но, соответствуя норме языка перевода, выполняли бы аналогичную выразительную функцию в системе целого» [15, там же].

Вряд ли можно усомниться в том, что междометия выражают одни и те же эмоции, характерные для носителей всех культур, но в каждом отдельном языке они получают разные номинации. Как известно, каждый человек (resp. этнос) по-своему воспринимает данную форму существования окружающего мира (предмет, действие, процесс, явление, движение, состояние, признак). Междометия, если их можно определить как лексемы, т.к. они выражают самые разнообразные чувства, не называя их, обозначающие одно и то же явление объективной действительности, чаще всего различны в разных языках (ср.: рус. *кукареку* (и сущ. *кукарекать*), болг. *кукуруигу*; рус. *хрю-хрю* (глагол. *хрюкать*), болг. *грух-грух* (глагол. *грухтя*), корейск. *хрон-хрон*; рус. *кар-кар* (глагол. *каркать*), болг. *гра-гра* (глагол. *грача*), селькупск. *кюк-кюк*; рус. *гав-гав* (глагол. *гавкать*), болг. *бау-бау*, англ. *бак-бак*; рус. *тик-так* (глагол. *тиктакать*), болг. *тик-так*; японск. *кати-кати* и др.). В качестве иллюстрации сказанного выше достаточно привести, как нам кажется, несколько примеров:

«На вратата пак: *чук, чук, чук!*» [3, дата посещения сайта: 13.06.2019]

«В дверь снова постучали: *тук, тук, тук!*» (перевод наш – В.М.)

«Операта в Сидни запява "*бау-бау*"» [21, дата посещения сайта: 21.06.2019]

«В опере Сиднея запели: "*гав-гав*"» (перевод наш – В.М.)

«Вие от кой тип сте: *мяу-мяу* или *бау-бау?*» [22, дата посещения сайта: 21.06.2019]

«Какого вы типа человек: *мяу-мяу* или *гав-гав?*» (перевод наш – В.М.)

В любом из существующих языков вряд ли наличествует другая часть речи, которая отличалась бы такой многофункциональностью, как междометие. В художественной литературе часто можно встретить эллиптические конструкции, несущие определенную

национально-культурную информацию. Вышеупомянутая часть речи также отличается известной национальной спецификой и является наиболее конденсированной формой выражения экспрессии. Примеров тому много, остановимся лишь на некоторых:

«На селе про Алешку теперь говорят: „*Вот те и на!* Вот те и немтырь!..”» [4, с. 248]

«В селото за Алексей сега разправят: „*Глей го какъв е!* Кой би помислил!..”» (перевод наш – В. М.)

Эмоционально-экспрессивное восклицание *Вот те и на!* в данной ситуации выражает удивление и подразумевает примерно следующее: «Просто невероятно, как он изменился, кто бы мог подумать!»

Безусловно интересным представляется следующий пример передачи русского междометия «чур» на болгарский язык переводчиком Б. Мисирковым:

«– Леший это. *Чур* нас, *чур!!* – завопил дедка Нил и закрестился.

«– Туй беше горският дух. *Бягай оттук, остави ни!*... – развика се дядо Нил и взе да се кръсти.» [19, с. 427].

Здесь «чур» является не просто междометием, но и несет определенную лингвокультурную нагрузку, что подтверждается следующими сведениями из Толкового словаря Т.Ф. Ефремовой «Далёкий предок, родоначальник; щур II, прашур (в славянской мифологии).» «ЧУР межд. Разг. Восклицание, означающее требование соблюсти какой-л. уговор, какое-л. условие. Ч. не плутовать. Только ч. не подкашивать. ● Первоначально – заклинание против нечистой силы, означающее запрет касаться чего-л., совершать какие-л. действия (сохранившийся в играх.)» [23, дата посещения сайта: 16.08.2018].

Рассмотрим также несколько примеров использования болгарских междометий:

«„*Бря, бря!*” – почнаха да викат от тълпата и чичо Мартин усети върху себе си стотици възхитени очи».

«„*Бря, бря!*” – восторженно закричали в толпе, и дядя Мартин почувствовал, как сотни восхищенных взглядов устремились на него» [10, с. 119].

Согласно современному толковому словарю болгарского языка это восклицание (*бре* или *бря*) может выражать разные чувства, например, «...удивление, неожиданность, насмешку и др.» [16, с. 60; перевод наш – В. М.], однако русскому читателю данное междометие ничего не говорит, так как в русском языке отсутствует аналогичное восклицание, содержащее в себе синтез нескольких эмоций. Наиболее подходящим, по нашему мнению, был бы следующий вариант перевода:

«– *Ну и ну!*» – восторженно закричали в толпе, и дядя Мартин почувствовал, как сотни восхищенных взглядов устремились на него.

Отметим еще один случай передачи болгарского междометия на русский язык:

«– ...Ах, пърдон, извинете, оцапах ви бохчата... Ц... ц... ц... *Тюх* да се не види! ...»

«– ...Ах, пардон, виноват, я вам скатерку облил. Це-це-це...Ах, чтоб ее! ...» [2, с. 159].

Интересно, что в приведенном выше примере переводчики Д. Горбов и Т. Колева передали болгарское междометие *тюх* русским *ах*, что, конечно, раскрывает смысл восклицания главного героя произведения, но не достаточно полно выражает заложенную в нем экспрессию. Как нам представляется, здесь было бы удачнее использовать русское междометие *тьфу* („употребляется при выражении досады, раздражения в знач.: вот досада, черт возьми.” [20, /1723/тьфу]).

Рассмотрим еще два примера:

«И да си знае добре ятаците и всекиму да не вярва, а на жена – *сакън!*»

«И укрывателей чтоб хорошо знал – не всякому верил. А женщинам – *ни-ни!*» [12, с. 315].

Здесь интерес представляет болгарское междометие арабско-турецкого происхождения *сакън*, имеющее значение: «Будь

осторожен! Берегись!» [5, с. 848; перевод наш – В. М.], а также «ни в коем случае» (*болг.*: „Сакън! Не пипай!“). В данном случае переводчик Димитр Горбов точно передал смысл скрывающегося за междометием посыла, но, вместе с тем, совершенно очевидно, что передать исторический контекст (500-летнее османское иго в Болгарии, оставившее свой след в языке) не представляется возможным.

Описанное выше междометие можно встретить не только в болгарской художественной литературе, но даже в текстах современных болгарских СМИ:

«Сакън да не го пипнем – как ГЕРБ "реформира" Цацаров» [заголовок статьи; 24, дата посещения сайта: 21.06.2019].

Интерес представляют также междометия, от которых образуются другие части речи, например, существительные (рус. *ахи, охи*; болг. *тjухкане*) и глаголы (рус. *ахать, охать*; болг. *тjухкам*), но это уже не является предметом нашей статьи.

Подводя итоги сказанного выше и исходя из того факта, что междометие представляет собой особую часть речи и иногда несет определенную лингвокультурную информацию, можно было бы сделать следующие выводы:

1. При передаче междометий на язык перевода проявляются сходные черты культур, которые в лингвокультурологии принято называть культурными универсалиями.

2. В целом ряде случаев передача междометий затруднена вследствие наличия национально-специфических черт, дифференцирующих отдельные культуры.

3. В рамках частичных, относительных соответствий междометий можно выделить различные типы, которые предполагают и различные подходы при их переводе.

4. Сходства и различия между русскими и болгарскими лексемами можно искать не только в плоскости реальных, но и во всех культураносных лексических единицах, среди которых находятся и междометия.

Итак, несмотря на большую близость русского и болгарского языков, в них наличествует известное количество междометий

полностью или частично несовпадающих в своем лексическом значении. Подобного рода различия не могут не вызвать определенных затруднений при переводе в силу своей национальной специфики. Следовательно, при передаче таких лексических единиц на соответствующий язык представляется разумным и логичным учитывать исторический, культурный и бытовой контекст.

Библиографический список

1. Константинов А. Избрани творби. // София: „Български писател”, 1981.
2. Константинов А. Бай Ганю. До Чикаго и обратно. // Государственное издательство „Свят”: София, 1984.
3. Константинов А. Словото. <http://www.slovo.bg/showauthor.php3?ID=169&LangID=1>
4. Астафьев В. П. Последний поклон (вступ. ст. В.Я. Курбатова) // Москва: „Молодая гвардия”, 2003.
5. Български тълковен речник. // Издателство на Българската Академия на науките. София, 1993.
6. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. // Москва: Языки славянской культуры, 2001.
7. Вежбицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. // Москва, 1999. С. 611 – 647.
8. Вежбицкая А. Дескрипция или цитация // Пер. с англ. С.А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва: „Радуга”, 1982. С. 237 – 262.
9. Петров И. Преди да се родя. И след това. Мъртво вълнение. // София: „Български писател”, 1975.
10. Петров И. Избранное. // Москва: „Радуга”, 1987.
11. Йовков Й. Разкази. // София: „Български писател”, 1971.
12. Йовков Й. Избранное. // Москва: „Художественная литература”, 1979.
13. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учебное пособие. // Москва: Высшая школа, 1990.
14. Рахманова Л. И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. // Москва: Издательство МГУ, 1997.
15. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. // Москва: Р. Валент, 2007.

16. Съвременен тълковен речник на българския език с приложения. // Велико Търново: Gaberoff, 2004.
17. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. // Москва: Языки русской культуры, 1996.
18. Шишков В. Я. Угрюм-река. // Москва: „Художественная литература“, 1987.
19. Шишков В. Я. Угрюм-река. // Москва: „Прогрес“, София: „Народна култура“, 1976.
20. https://phrasebook_ru.academic.ru (15.08.2018)
21. https://btvnovinite.bg/2073703085-Operata_v_Sidni_zapyava_baubau.html
22. https://www.capital.bg/light/neshta/2006/08/25/279245_miau-miau_ili_baubau/
23. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/105619>
24. <https://www.mediapool.bg/sakan-da-ne-go-pipnem---kak-gerb-reformiratsatsarov-news267637.html>

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Бирова Илка Любенова
кандидат филологических наук,
доцент
Софийский университет имени Св.
Климента Охридского
Болгария, г. София

Birova Ilka Lubenova
Sofia University "St. Kliment Ohridski"
Sofia, Bulgaria

И. Бирова

ИГРА КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕЕ МЕСТО В ОБУЧЕНИИ РКИ ВЗРОСЛЫХ

Аннотация: В статье рассматривается специфика игры в обучении иностранному языку взрослых на основе преподавания РКИ, указаны отличия игровой деятельности от традиционных учебных методов. Автор подчеркивает большой образовательный потенциал игры в лингводидактике и необходимость ее сочетания с другими видами учебной деятельности. В статье представлены конкретные параметры такого целесообразного сочетания, которые рекомендуется соблюдать в современной учебной практике.

Ключевые слова: игра, образовательный феномен, обучение, специфика, взрослые, иностранный язык, русский

Ilka Lubenova Birova

GAME AS AN EDUCATIONAL PHENOMENON AND ITS PLACE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE OF ADULTS

Annotation: This article is dedicated to specificity of game in foreign language teaching of adults on the base of Russian. Differences between game activity and traditional teaching methods are given. The author underlines great educational potential of game in language methodology and necessity to combine game with other teaching activities. Concrete parameters of this combination recommended for teaching practice are given.

Key words: game, educational phenomenon, teaching, specificity, adults, foreign language, Russian

Как известно, современное обучение иностранным языкам интерактивно по своему характеру и развивается в русле коммуникативно-деятельностного подхода. Чтобы было успешным, обучение должно быть личностно мотивирующим. Оно становится таким, если протекает в реальных ситуациях, с использованием ролевых игр, творческих задач, проектной работы. Нам близка позиция Э. Гочевой, что в «современных условиях мы ищем выхода не на речевом, а на деятельностном уровне в качестве интергрирующей основы для всех видов деятельности, в том числе и речевой.» [Гочева 2000:4]. Но в практике обучения языку мы часто имеем дело не с деятельностью нашего обучаемого, а с его реактивным поведением. Коммуникация получает характер чисто информативного процесса, она не становится общением. Мы считаем, что через организацию учебного процесса с активным участием игры в сочетании с традиционными методами обучения возможно поднять иноязычное обучение на такой деятельностный уровень, который нужен современному коммуникативному обучению языкам.

В современном образовании геймификация становится трендом, в том числе и в обучении иностранному языку. Геймификация в указанной сфере охватывает процесс использования игрового мышления и динамики игр для вовлечения аудитории в процесс усвоения иностранного языка. [Краснова 2015, Смольников 2015, Learning Games. Exchange of good practices in Adult Education 2016-2018]

Мы глубоко убеждены, что игра как обучающая деятельность не дополнительный, а один из основных компонентов системы иноязычного обучения. Игра равнопоставлена методам обучения, обладая уникальными возможностями и воздействием на сознание человека и на его деятельность. Игру не следует замыкать в ограниченные рамки детского возраста и раннего этапа обучения. На базе системных наблюдений и собственного преподавательского опыта мы установили, что умело организованная и целесообразно использованная игра поддерживают интерес и мотивацию обучаемых, несмотря на их возраст и уровень обучения. С активным и системным участием игры обучение взрослых становится приятным и более эффективным.

В научной литературе не существует единого определения игры в сфере иноязычного обучения. Игра определяется по-разному: как вид обучающей деятельности, ситуативное упражнение, коммуникативное задание или разного рода дидактические игры в процессе обучения языку. Игровые технологии и дидактические игры на разных этапах обучения в центре внимания ряда научных исследований, справочников и методических пособий. [Азимов, Щукин 2009, Акишина, Жаркова 1990; Живая методика 2009, Московкин, Шамонина 2013] Л. Московкин и Г. Шамонина исследуют инновационные технологии в обучении РКИ, такие как: экскурсионная, театральная, проблемная, проектная, этнокультурная технология и языковой портфель. Сила названных технологий состоит в том, что они обеспечивают произвольное овладение иностранным языком. Оно является побочным продуктом выполнения предлагаемой учащимся продуктивной деятельности, что сближает эти технологии с игровой деятельностью. Мы поддерживаем точку зрения, выраженную Л. Московкиным и Г. Шамониной, что «инновационные технологии могут включать элементы прямого обучения языку. Применение инновационных технологий не противоречит работе над языком, обсуждению правил, употребления слов, составлению предложений и текстов и может включать разнообразные элементы обучения языку.» [Московкин, Шамонина 2013:12-13]. Можно сделать вывод, что современные исследователи анализируют отдельные аспекты игровой деятельности в лингводидактике и их применение в учебной практике. В нашей монографии (Бирова 2017) мы попытались комплексно представить игру как образовательный феномен в иноязычном обучении и предложили целостную концепцию обучения РКИ с активным участием игры, которая была апробирована в болгарской среде. Здесь приводим нашу дефиницию игры как лингводидактического феномена:

Игра – важная обучающая деятельность в процессе иноязычного обучения. Она является одной из форм организации учебного процесса, которая превращает обучение в живое общение. Игру мы рассматриваем как обязательный компонент методической системы иноязычного обучения как детей, так и взрослых. В практике игра

реализуется через игровые технологии, дидактические игры, игровые упражнения, техники и приемы, а также на основе специфической организации учебного занятия. Игра используется для развития речевых, коммуникативных и творческих умений обучаемых. Она вносит в обучение разнообразие и повышает его эффективность, поддерживая мотивацию и интерес обучаемых к иностранному языку и культуре.

Далее перечисляем характерные черты игры, которые в ряде случаев показывают ее преимущества по сравнению с традиционными методами иноязычного обучения:

1) В учебной среде игра создает естественный контекст, в котором употребление изучаемого языка становится необходимым и востребованным. Игра мотивирует деятельность, при которой речь является средством достижения реальной цели;

2) Игра способствует тому, что учащиеся усваивают знания и приобретают речевой опыт не по необходимости, а по собственному желанию. Игра снимает «психологические барьеры» в речевом общении на изучаемом языке.

3) Игра создает эмоциональные и интеллектуальные стимулы для обучаемых, мотивирует их речевую деятельность и раскрытие творческого потенциала.

4) Игровые задания часто строятся по принципу информационного пробела, т.е. есть неизвестный элемент, который обучаемые стремятся открыть.

5) Игра часто основана на смене ритма, темпа, интонации. Правильная языковая форма в игре усваивается по принципу аналогии или отталкивания от неправильного.

6) Игра интерактивна по своему характеру и часто содержит состязательный элемент.

7) Игра требует соблюдения определенных правил и временных ограничений.

8) Игра часто предлагает игрокам войти в роль, смену ролей и точек зрения, а также возможность свободного выбора для выполнения поставленной задачи.

Игра в процессе обучения иностранному языку используется в следующих целях: тренировка и закрепление языковых знаний и

речевых умений; повторение учебного материала по иностранному языку; активный отдых во время учебных занятий. При этом следует обратить внимание на роль преподавателя, которая является контролирующей. В отличие от учебной деятельности, в ходе игры преподаватель не исправляет ошибки обучаемых. Это происходит после окончания игрового действия в следующих формах: 1) переспрос с использованием правильной формы; 2) комментирование преподавателем допущенных ошибок; 3) исправление ошибок самими обучаемыми; 3) обсуждение в группе вариантов реплик, тактических ходов участников игровой ситуации.

Дальше приводим отличия между игрой и традиционными видами учебной деятельности. Во-первых, в игре форма и содержание меняются местами. Когда мы накладываем структуру игры на схему учебной деятельности, мы как бы превращаем учебный процесс в процесс целевой (а не учебной) коммуникации. Например, когда предлагаем учащимся в течение одной минуты определить и назвать все различия между двумя картинками или сказать как можно больше слов на данную букву, мы ставим перед обучаемыми отвлекающую неучебную цель, а язык становится средством достижения этой цели.

Во-вторых, игра отличается эмоциональностью, которая обычно отсутствует в выполнении традиционных языковых и речевых упражнений. В отличие от серьезности традиционных методов обучения в игре действуют только положительные эмоции, что сочетается с серьезным соблюдением игровых правил и дисциплины игрового действия. Спонтанность игры позволяет включить учащихся в занятие не частично и не формально и дает возможность проявить лучшие личностные качества в полной степени. С психологической точки зрения в игре происходит сглаживание внутренних противоречий личности, внутреннее уравнивание, поэтому у учащихся в условиях игрового обучения обычно улучшается психологическое состояние. Знания и умения, полученные и отработанные в игровой ситуации, остаются надолго в сознании обучаемых и поддерживают их мотивацию, потому что эти знания и умения приобретены через эмоциональное восприятие и сопереживание положительных эмоций.

Игра приносит удовлетворение как обучаемым, так и преподавателю. Когда игра организована и проведена грамотно, она вызывает большое удовлетворение как у преподавателя, так и у обучаемых. Профессиональное удовлетворение преподавателя связано с тем фактом, что процесс обучения становится процессом непрерывного творчества в полном смысле этого слова. Каждый учитель может реализовать разнообразные варианты игровых заданий с учетом конкретной аудитории и изучаемой темы. Мы рекомендуем преподавателям завести «копилку» игровых заданий и ситуаций, которые апробированы в учебной практике и показали хорошие результаты. В прежних публикациях мы поделились своей «игровой копилкой» в преподавании РКИ. [Бирова 2010, Бирова 2015]

Игра вызывает не только приятные эмоции, а также дает пищу уму. Обучающая игра всегда связана как с эмоциональным, так и с интеллектуальным стимулированием обучаемых. Конкретные примеры того, как возможно поддерживать эмоциональную атмосферу и стимулировать интеллект в обучении взрослых, даны в книге Арутюнова [Арутюнов и др. 1987:11-12]. Многие из этих приемов мы часто используем в нашей практике обучения болгарских студентов русскому как иностранному на разных этапах.

В-третьих, для игры типичен другой тип взаимоотношений в процессе обучения. Игра создает отношения доверительности между преподавателем и группой и между членами группы. Игровое действие предполагает взаимопонимание и взаимодействие ее участников и требует хороших межличностных контактов. В подготовке игрового действия преподаватель входит в роль режиссера или тренера, а в самом процессе игры, как мы уже упомянули, он имеет контролирующую функцию.

В-четвертых, в игре трудное представлено в привлекательной форме, чем можно объяснить преобладающее положительное отношение обучаемых к ней. Не всегда традиционным учебным методам удается представить трудный материал в доступной и привлекательной форме. Но это удастся сделать в игре. По разнообразию игровые задания нельзя сравнить ни с какими другими приемами обучения: преподаватель может развернуть свое воображение и творческий талант и имеет возможность

неограниченного выбора. Вместе с этим игра предоставляет возможность максимально индивидуализировать учебный процесс, учитывая возраст, интересы, уровень языка и особенности обучаемых.

Следует обратить внимание также на некоторые негативные факторы, которые мешают реализации игры в обучении РКИ:

- Времеёмкость игры – большая затрата времени со стороны преподавателя на подготовку игры или игрового задания, в том числе на подготовку нужных материалов;

- Существующая среди преподавателей неуверенность в эффективности игровых технологий и приемов, особенно в отношении обучения взрослых;

- Нехватка игровых упражнений и дидактических игр в учебниках и учебных пособиях по РКИ;

- Перегруженность учебной программы, нехватка времени на уроках для использования игровых технологий;

- Дефицит игровой культуры среди преподавателей и обучаемых.

Мы убеждены, что если преподаватели знакомы с сущностью обучающей игры и знают как организовать ее на занятиях, возможно в большой степени справиться с указанными мешающими факторами и заполнить существующий дефицит.

По вопросу о доли учебного времени, предоставляемого игре на разных этапах обучения иностранному языку, в том числе и РКИ, мы рекомендуем следующее соотношение: в дошкольном возрасте игра является преобладающей обучающей деятельностью, в том числе и на занятиях по иностранному языку. В начальной школе обучающая игра и учебная деятельность используются параллельно и равнопоставленно (50%:50%). В практическом обучении иностранному языку подростков (12+) и взрослых игру следует использовать активно в следующем соотношении с другими видами учебной деятельности:

- 20% учебного времени – на использование практических методов обучения, таких как наблюдение, объяснение, демонстрация, беседа и др.;

- 30% учебного времени – на использование игровой деятельности;

- 50% – учебного времени – на выполнение языковых и речевых упражнений + инновативных технологий (проектная, театральная, языковой портфель и др).

Необходимо выяснить, что дает нам основание предлагать такое соотношение в процессе обучения. В указанном соотношении соблюдается известное еще в древности «правило золотого сечения». Это один из законов, на котором основан суггестопедический метод д-ра Г. Лозанова. Ученый назвал этот закон «самым стабильным психологическим критерием хорошего баланса» [Лозанов 2005:153]. Согласно ему, соотношение между частями целого должно приближаться к цифре 0.618. Представленное выше соотношение 20% – 30% – 50% учебного времени отвечает «правилу золотого сечения, а именно: если разделим одно из этих чисел на следующее, то получается приблизительно 0.61». [см.: Лозанов 2005: 149]. Этот результат дает нам основание считать рекомендуемое соотношение сбалансированным и целесообразным в практическом обучении иностранному языку взрослых (12+). Участие игры в учебном процессе считается активным, если ей отводится в среднем 30% учебного времени в обучении подростков и взрослых. В нашей практике обучения РКИ болгарских студентов филологов и нефилологов мы соблюдаем указанное соотношение. При этом мы установили, что студенты воспринимают обучающую игру положительно, с энтузиазмом участвуют в учебном процессе, который становится продуктивным и мотивирующим и превращается в живое общение.

В заключение следует снова подчеркнуть, что игра является сложным и многогранным образовательным феноменом, который обладает неиспользованным потенциалом и нуждается в дальнейшем изучении. Игру необходимо оценивать по достоинству, адекватно сочетать с традиционными учебными методами и активно использовать в обучении как детей, так и взрослых.

Библиографический список

1. Азимов (2009) *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам), изд. Икар, Москва -448 с.

2. Акишина, Ямаути (2011) *Акишина А.А., Ямаути Мори*. 100 русских пословиц. Пособие-игра по русскому языку, Москва, изд. Русский язык. Курсы– 32 с.
3. Арутюнов, Чеботарев, Музруков (1987) *Арутюнов А.Р., Чеботарев П.Г., Музруков Н.Б.* Игровые задания на уроках русского языка, Москва, изд. Русский язык – 187 с.
4. Бирова (2017) *Бирова И.* Игра в обучении РКИ. Исследование игры как образовательного феномена, изд. Еврошкола, Москва- 267 с.
5. Бирова (2015) *Бирова И.* Игра и игровые упражнения в обучении РКИ, ж., „Болгарская русистика“, София, 3-4 с. 195-205
6. Бирова (2010) *Бирова, И.* Языковые игры в обучении РКИ В сб.: Летняя квалификационная школа ВСУ им.Черноризца Храбра, Варна, с. 82-88; (отбор дидактических игр с. 347-366)
7. *Бихтина Н.Б., Вайшиорене Е.В.* Игровые задания на занятиях по русскому языку как иностранному, В: Живая методика, Москва, изд. Русский язык. Курсы, с. 64-96
8. Гочева (2000) *Гочева Е.* Чуждоезиковото обучение. Теория и практика на учебника. София, изд. Лодос–188 с.
9. Живая методика (2009) *Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного. Методы, приемы, результат*, изд. Русский язык. Курсы, Москва –336 с.
10. Краснова (2015) *Краснова Т.И.* Геймификация обучения иностранному языку // Молодой ученый. — 2015. — №11. — с. 1373-1375
11. Лозанов (2005) *Лозанов Г.* Сугестопедия – десугестивно обучение, УИ „Св. Климент Охридски“, София, - 215 с.
12. Московкин, Шамонина (2013) *Московкин Л.В., Шамонина Г.Н.* Инновации в обучении русскому языку как иностранному, ВСУ „Черноризец Храбър“–208 с.
13. Смольников (2015) *Смольников А.Ю.* Инфографика и геймификация: новый подход в образовании Infographics and gamification: a new approach in education/ Электронный научный журнал «ГосРег» 2015 № 3
14. Learning Games www.learninggames.eu (2016-2018) Project of the Programme Erasmus+

ХРОНИКА

Ралева Цветана Христова
доцент, доктор филологии
Софийский университет
им Св.Климента Охридского
София, Болгария
tzvetanar@abv.bg

Raleva Tzvetana Hristova
Associate Professor, Ph.D
Sofia University "St. Kliment Ohridski"
Sofia, Bulgaria
tzvetanar@abv.bg

Ц. Х. Ралева

РАЗГОВОР О БОЛГАРО-РОССИЙСКОМ НАУЧНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ОБЛАСТИ ФИЛОЛОГИИ

Накануне Праздника будителей, 31-ого октября 2019 г., в Софийском университете им. св. Кл. Охридского Софийское отделение Общества русистов Болгарии провело встречу на тему «Три научных проекта Института литературы БАН и Института славяноведения РАН». Цель встречи – познакомиться с результатами работы по данным проектам, а также с многолетним опытом коллег на поле сотрудничества с научными институтами России. Идея проведения такого разговора корреспондирует с намерением Правления Общества русистов Болгарии оживить научную деятельность болгарских русистов, в том числе международную проектную деятельность.

Во встрече приняли участие члены Общества, но также гости – болгаристы и русисты, представители Института литературы БАН и Факультета славянских филологий Софийского университета. Проф. д.ф.н. Румяна Дамянова, заведующий направлением *Литература болгарского Возрождения* Института литературы БАН, руководитель научных коллективов с болгарской стороны представила совместные болгарско-российские проекты, осуществленные в период 2006 – 2014 гг.: «БОЛГАРИЯ И РОССИЯ (XVIII-XX ВВ.). ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ», «БОЛГАРИЯ И РОССИЯ (XVIII-XXI ВВ.). УТОПИИ, ОБРАЗЫ И МОДЕЛИ» И «БОЛГАРИЯ И РОССИЯ

(XVIII – XXI вв.). СТЕРЕОТИПЫ И ДЕКОНСТРУКЦИИ». РОССИЙСКИМИ КОЛЛЕКТИВАМИ РУКОВОДИЛИ ПРОФ. ГЕОРГИЙ ГАЧЕВ, А ПОСЛЕ ЕГО КОНЧИНЫ – ПРОФ. ИГОРЬ КАЛИГАНОВ. Работа над каждым проектом завершалась организацией научной конференции и опубликованием сборника с докладами. Таким образом в свет вышла серия прекрасных книг: «БОЛГАРИЯ И РОССИЯ (XVIII-XX вв.). ВЗАИМОПОЗНАНИЕ» (МОСКВА, 2010), «БЪЛГАРИЯ И РУСИЯ (XVIII-XXI в.) – ПЪТИЦА И КРЪСТОПЪТИЦА» (СОФИЯ, 2017) И «БОЛГАРИЯ И РОССИЯ (XVIII – XXI вв.). СТЕРЕОТИПЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, БЫТОВАНИЕ, РАЗРУШЕНИЕ» (МОСКВА, 2019). Проекты были инициированы болгарской стороной. В них участвовали ведущие ученые обеих стран в этой области (литературоведы, культурологи, историки, лингвисты и т.д.): Георгий Гачев, Григорий Венедиктов, Игорь Калиганов, Виктор Косик, Елена Узенева, Мария Смольянинова и др. (с российской стороны), Румяна Дамянова, Лиляна Минкова, Радостин Русев, Камен Михайлов, Николай Аретов, Мария Китанова, Христо Манолакев, Радослава Илчева и др. (с болгарской стороны).

Проф. Р. Дамянова рассказала историю возникновения идеи совместной работы с российскими коллегами, поделилась деталями процесса ее реализации, подчеркнула важность проектов, предоставивших возможность активизировать контакты между учеными обеих стран и, главное, преодолеть стереотипы в интерпретации многих фактов болгаро-российских культурных и исторических связей в новых общественно-политических условиях. Присутствующие на встрече коллеги рассмотрели с интересом опубликованные сборники и видеоматериалы, освещающие работу над проектами. Предметом обсуждения стали некоторые конкретные научные результаты, роль известных российских ученых в реализации проектов, а также такие вопросы, как состояние российской болгаристики, условия и перспективы сотрудничества между научными институтами обеих стран и др. Была выражена потребность болгарских русистов в совместной работе с их российскими

коллегами, равно как необходимость в более тесном сотрудничестве между болгарскими учеными, изучающими болгаро-российские культурные взаимоотношения на протяжении веков.

Аврамова Валентина Николова
доктор филологии, профессор
Шуменский университет
им.Константина Преславского
Болгария, г.Шумен
e-mail valentav@abv.bg

Avramova Valentina Nikolova
Professor, Ph.D
Konstantin Preslavski Shumen
University
Bulgaria, Shumen
e-mail:valentav@abv.bg

В.Н.Аврамова

III Международная научная конференция «Язык, право и общество в координатах массмедиа»

25-26 сентября 2019 года в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации прошла работа III Международная научная конференция «Язык, право и общество в координатах массмедиа», объединившая 300 ведущих ученых – лингвистов, философов, юристов, социологов,

политологов, культурологов, а также экспертов из более чем 10 стран, в том числе Азербайджана, Беларуси, Болгарии, Индии, Канады, Китая, Латвии, Польши, Словакии, Украины. Институт тепло встретил участников конференции атмосферой сотрудничества и творчества. Организаторами конференции являлись Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии РАН и Международный комитет славистов.

Открыла конференцию директор ИЗИСП, академик РАН, заместитель президента РА, действительный член Международной академии сравнительного права, член Комиссии Совета Европы за демократию через право (Венецианской комиссии), проф. д.ю.н., засл. юрист РФ, заслуженный юрист Республики Татарстан Талия Ярулловна Хабриева, которая отметила, что проведение данной междисциплинарной конференции в стенах Института становится хорошей традицией.

Мероприятие открылось вручением государственной награды Российской Федерации – медали А. С. Пушкина, главе Центра русских исследований Университета имени Джавахарлала Неру (Индия), проф. д-у филологии **Мите Нараян** за внесение значительного вклада в распространение русского языка, русской литературы и культуры в зарубежных странах.

С приветственным словом к участникам конференции обратился президент РАН, лауреат Государственной премии РФ и Премии Правительства РФ **А. М. Сергеев**, определивший важную роль информационного пространства, которое сегодня становится медийным переводчиком и интерпретатором информации для общества.

Директор Института философии РАН, академик РАН, проф.д.филол.н. **А. В. Смирнов** в приветственном слове определил актуальные проблемы национальной самоидентификации и особенностей ментальности народов, заключенные в языке, и акцентировал внимание на разрушительных трансформациях русского языка в современном медиапространстве.

В пленарном докладе «**Медиапространство – пространство диффузии культур и дискурсов**» зав. лабораторией медиалогии и

медиалингвистики в области права ИЗиСП, член Президиума Медиалингвистической комиссии при Международном комитете славистов, проф.дфн И.В. **Анненкова** поставила вопрос, новая ли дискурсная формация медиадискурсия, или же это замкнутый круг в типах дискурсных формаций. По мнению докладчика, новейшие информационные технологии, в частности – Интернет способны фиксировать и тиражировать любые дискурсы, но при этом они порождают новый тип текста – медиатекст, текст неклассического образца – конвергентный, мультимедийный, полисемиотичный и незавершенный конструкт, отражая и порождая собой новый тип культуры коммуникаций.

Декан философского факультета МГУ, член-корр. РАН, проф.филос.н. **В.В. Миронов** в своем научном докладе «**Цифровые вершины культуры или дигитальная пещера**» осмыслил цифровые достижения современной цивилизации. Академик РАН, проф.д.филос.н. **Г.В. Осипов**, социолог с мировым именем, обратил внимание аудитории на то, что общество в настоящее время находится «в процессе перехода от индустриальной к электронно-цифровой цивилизации», причем этот переход совершается стремительно, меняя все – «начиная от человека и заканчивая планетой».

С заключительным докладом «**Антиномия в медиалингвистическом анализе кинодискурса**» на пленарном заседании выступил проректор по образованию Педагогического университета в Кракове (Польша), член Президиума Медиалингвистической комиссии при Международном комитете славистов, проф.д-р Богуслав **Сковронек**.

После перерыва работу конференции продолжили два круглых стола: «Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений» и «Трансформация сознания в современном образовательном и медийном пространстве» и восемь секций: Язык в сфере права: традиции и новации; Дискурсивность как измерение медийных практик; *Общественные ценности в аксиосфере современных медиа*; *Медиатизация как стратегия общественных отношений*; *Конфликтность медиaprостранства*; *Языковой и культурный суверенитет в контексте глобальной цифровизации*; *Медиатекст как форма современных общественно-политических*

практик; Дискурсология PR-речи; Факты, мнения, оценка в медиатексте: лингво-правовые аспекты журналистского дискурса. В заинтересованном и профессиональном диалоге докладчики обсуждали вопросы, посвященные функционированию русского языка в медиа, а также статус государственных и титульных языков, их представленность в медиапространстве и правовое регулирование медиапроцессов, наконец, язык права и общественные отношения в эпоху цифровизации и глобальных коммуникаций.

26 сентября 2019 г. работу конференции продолжил круглый стол: «Трансформация дискурса: от медицинской этики к этике здравоохранения и здоровье сберегающего поведения в контексте деятельности массмедиа» и четыре секции: *Грамматика медиаречи в теоретическом и прикладном аспектах; Проблемы лингвистической экспертизы медиатекстов; Традиционное и новое в изучении рекламной коммуникации; Комическое как коммуникативный ресурс медиа.*

В работе конференции приняли участие и преподаватели Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского. Проф. д-р В. Н. Аврамова выступила с докладом на тему «Рецепция образа России в болгарских массмедиа», проф. д-р Е. В. Стоянова

прочитала свой доклад «Метафора как лингвокогнитивный механизм создания комического в медиатексте». Доц. д-р А. Д. Димитрова, член кафедры «Германистика» прочитала свой доклад на тему «Германия и бежанците: култура добре дошли или кардинална грешка». Доклады вызвали интерес у присутствующих, по заданным темам состоялись прения.

Работа конференции отличалась высоким профессионализмом выступающих, заинтересованностью и эмоциональным подъёмом всех участников. В обсуждениях творческого взаимодействия на секциях и круглых столах гости и участники высоко оценили научный уровень и междисциплинарный характер конференции, новизну исследований и представленного опыта.

По итогам планируется выпуск сборника материалов (ISSN, РИНЦ). Также будет опубликована резолюция конференции, проект которой был в целом одобрен научным сообществом.

ЮБИЛЕИ

РУСИСТУ-ВЕТЕРАНУ ДОЦ. ТОДОРУ МИНЧЕВУ ИСПОЛНИЛОСЬ 95 ЛЕТ

Доц. Тодор Минчев родился 10 ноября 1924 г. в деревне Железник, Бургаского округа. По окончании средней школы и воинской службы он поступает в Софийский университет им. Св. Климента Охридского на новосозданное отделение русского языка и литературы, где преподают выдающиеся педагоги, знатоки русской культуры, как проф. Н. М. Дилевский, воспитанница Санкт-Петербургского университета д-р Мария Джананова, проф. Велчо Велчев, проф. Симеон Русакиев.

Окончив Университет, доц. Минчев становится инспектором русского языка в Министерстве просвещения Болгарии, а в сентябре 1953 г. – преподавателем русского языка в тогдашней „Государственной политехнике”. В 1963 г. его выбирают заведующим кафедрой иностранных языков в Высшем институте

архитектуры и строительства (сейчас Университет архитектуры, строительства и геодезии). В 1975 г. Тодор Минчев получает научное звание доцента, а в 1976 г. становится заместителем Ректора ВИАС (сейчас УАСГ). С 1978 г. по 1983 г. он заместитель Директора Научно-исследовательского Института русского языка при Министерстве просвещения.

Доц. Минчев не только замечательный преподаватель русского языка, но и углубленный его исследователь. Он автор и соавтор ряда учебников и учебных пособий, специализированных словарей для студентов, будущих строителей и архитекторов, таких как: „Учебник русского языка для студентов ВИАС”, „Руско-български строително-технически речник”, „Българско-руски политехнически речник”, „Русско-български речник по строителство и архитектура”, „Учебен руско-български тълковен строителен речник” и др.

Тодор Минчев оставил яркий след в жизни организации болгарских русистов, являясь ее основателем – главным секретарем с 1967 г. и заместителем председателя с 1976 г. по 1979 г.

Активное его участие и в создании МАПРЯЛ в 1967 г. в Париже. Он организатор и участник во многих международных конгрессах и симпозиумах.

Доц. Минчев вносит значимый вклад и в переводческую деятельность Болгарии. Будучи членом Союза переводчиков в Болгарии, он переводит с русского языка на болгарский язык книги научно-технического жанра, принимает участие во многих международных конгрессах, конференциях и симпозиумах в качестве симультанного переводчика с русского языка и на русский язык.

За свою плодотворную научную и общественную деятельность он удостоен множеством наград, орденов, медалей и грамот.

Сегодня в лице доц. Тодора Минчева мы приветствуем выдающегося русиста-теоретика, переводчика, лексикографа, а также учителя, воспитавшего многих поколений студентов.

В год его многолетия мы, болгарские русисты, низко кланяемся нашему ветерану доц. Тодору Минчеву и желаем ему здоровья, бодрости и много радостных дней.

Решением Президиума «МАПРЯЛ» от 5 ноября 2019 года за внесение значительного вклада в распространение русского языка, а также посредством русского языка в распространение русской литературы и культуры в Болгарии доц. Тодор Минчев удостоен медали А.С. Пушкина.

Доц. д-р Илиана Михайлова Владова

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **bgrusisty@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликованные **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонку, как показано:

Борисов Иван Викторович

доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Россия, г. Москва

e-mail: borisov@rambler.ru

Borisov Ivan Viktorovich
Professor, Dr. Sc.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: borisov@rambler.ru

И. В. Борисов (11 пт.)

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V. Borisov (11 пт.)

THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE

(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами

Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт.).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именованного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // Стилъ. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И Ж У Р Н А Л А

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bgrusisty@gmail.com